

Немцы Поволжья. Реквием по республике.

«Ибо мы признаем, что человек оправдывается
верою независимо от дел закона».

Евангелие. К римлянам. 3:28.

«Пусть опрокинет статуи война.
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетья не сотрут»

У.Шекспир. Сонеты. Перевод С.Маршака

Поволжская Европа

Нет, пожалуй, ни одной народности мира, которая бы претерпела такие лишения и такие унижения, как та, которой сегодня уже как бы и нет – она рассыпалась, развеялась прахом по всему свету, уничтоженная волей властолюбивого маньяка, злоеющая тень которого до сих пор бродит на задворках нашего сегодняшнего противоречивого общества. Она имела уникальную историю, ибо, возникнув на чуждой по этносу, менталитету и жизненному укладу малонаселенной территории нашей страны, очень быстро адаптировалась и благодаря своим исконно национальным чертам, таким, как трудолюбие, дисциплинированность, аккуратность и добропорядочность, заслужила право стать национальной автономией. У этой народности были уникальные корни, ведь изошла она из самого центра Европы. Она, объединив в себе древние народы Германии, Дании, Голландии, Швейцарии, Франции и других соседних стран, обосновалась в Российском Поволжье, мирно воссоединившись с местным населением – русскими, украинцами, казахами.

В степи Поволжья на дне высохшего моря в краю многовековых курганов, стерегущих опаленные огнем кости и мечи сарматов и позднее пришедших гуннов, выходцы из Германии и Соединенной Европы создали компактные поселения.

Автономия советских немцев была оформлена по инициативе В.И. Ленина 19 октября 1918 года. После ряда изменений в 1924 году она получила статус автономной республики, а в 1936 году напрямую вошла в состав РСФСР.

Ради удобства, «хозяйственного округления» в Автономную советскую социалистическую Республику Немцев Поволжья, в ее 30 000 квадратных километров были включены села и целые районы, населенные русскими (например, Энгельсский район, где немцев было 2%), украинцами (в Старополтавском и Золотовском районах немцев было всего 0,63%) и казахами. Причем, казахские селения Автономии граничили с такими же селениями Казахской республики. Но в остальных районах немецкое население составляло от 27 до 100% проживающих там людей. И судя по свидетельствам тех немногих

представителей «национальных меньшинств», которые смогли донести до нас правду, соседство с советскими немцами было для них добрым и душевным.

АССР Немцев Поволжья делилась на 22 кантона (района). Кроме столицы – города Энгельса, имелись еще города: Бальцер, Зельман, Марксштадт. А какие причудливые названия мог встретить путешественник, вздумавший отправиться по земле молодой советской республики: Базель, Цюрих, Унтервальден, Обермонжу, Швед, Ворошилово, Граф, Борегардт, Анисовка, Нахой, Караман, Еруслан, Эстонка, Харьковка, Штрасбург, Полтавка, Торгун, Веймар ...шведские, эстонские, украинские, французские, немецкие, русские, казахские, татарские названия могли поставить в тупик любого, кто к этому не был готов.

По переписи 1939 года в республике проживало 570 тысяч человек, из них немцев было 65,4%.

Благодаря своим достижениям в области культуры и экономики АССР НП быстро выдвинулась на передовые рубежи. Известно, что республика обладала, по сравнению с другими регионами страны, наиболее высокой культурой земледелия. Ее по праву называли тогда второй после Украины житницей государства.

В республике выходила 21 немецкая газета из 38 немецких газет, печатавшихся в целом по стране. В 1923 году было организовано немецкое государственное книжное издательство. Его продукцию составляли учебники и учебные пособия, детские книги, газеты, общественно-политическая и художественная литература. Уже в 1935 году мощность издательства была такова, что позволила выпустить 555 наименований книжной продукции общим тиражом 2 861 тысячу экземпляров.

В 20-30-е годы успешно развивается литература и искусство российских немцев. В те годы начали публиковать свои произведения такие ныне известные писатели, как Герхард Завацкий, Андреас Закс, Эрнст Кончак и патриарх российской немецкой литературы Доминик Гольман.

Значительными были успехи молодой республики в области народного образования. В 1939 году в 428 начальных национальных школах с преподаванием всех предметов на немецком языке обучалось около 126 тысяч детей немецкой национальности. Но надо отметить, что во всех школах республики (так же, как и в техникумах и институтах) велось параллельное обучение и на русском языке.

Республике нужны были учителя, и был открыт Немпединститут, педрабфак, педагогическое училище в Марксштадте, в селе Зельман и в селе Красный Кут. В селах обучали молодежь в полеводческих техникумах, а в Энгельсе готовили грамотных специалистов для села в Сельскохозяйственном институте. Была в республике высшая партийная школа, готовившая национальные партийные кадры. В каждом городе республики имелись свои медицинские школы. Каждый город считал необходимым обзавестись и своей музыкальной студией – немцы Поволжья были очень музыкальны.

В столице республики – Энгельсе – очень популярными были в то время два драматических театра: немецкий и русский, которые ставили пьесы классического и современного репертуара.

Великое переселение народов

...Так уж получалось всегда, что История государства Российского никогда не писалась набело. Как часто мы одни и те же события читали в своих школьных учебниках то со знаком «плюс», то со знаком «минус». Да и сами события то меняли хронологию, то, оказывается, происходили не там и не под тем предводительством, как об этом писалось ранее. Что мы знаем сегодня о немцах Поволжья? Откуда они взялись в нашей стране?

Почему их республика, цветущая и находящаяся на пике экономического бума, была в одночасье разрушена, а жителей в спешном порядке депортировали в Сибирь и Казахстан?

...Они расстались со своими родными обжитыми местами 237 лет назад (в 1764 году) после долгой и вялотекущей Семилетней войны. Разруха и голод гнали людей туда, где им сулили мир и вольный труд на земле. Большинство переселенцев устремились в благополучные соседние Пруссию и Австрию. Но другая, не менее внушительная часть – крестьяне, ремесленники, буржуа и даже дворяне, к ужасу и негодованию патриотических газет потянулась огромной и дружной толпой (со всеми своими домочадцами, домашним скарбом и даже скотом) в далекую, холодную и необжитую Россию. Такую притягательную силу имел манифест Екатерины об освобождении немецких колонистов от всех податей и, в особенности, – от воинской повинности навеки.

Ушли из Западной Европы на восток около 30 тысяч человек. Направлялись они в Россию, но по пути часть из них осела в Прибалтике и на Украине. На Волге собрались 27 тысяч человек (о расселившихся в «Саратовском поселении» немецких колонистах императрица Екатерина II писала Вольтеру в 1769 году): по десять, двадцать, сто семейств из различных местностей германских земель и соседних стран. Они поселились разноязычными разноплеменными землячествами, а потому в языках даже жителей соседних деревень были существенные отличия. Эти отличия за долгие годы соседства со временем нивелировались и сохранились лишь в диалектовых особенностях.

Тяжело пришлось тем новоселам, которые первыми рискнули на переезд. Из мягкого средневропейского климата они попали в суровую нагорную страну и в еще более суровую равнинную засушливую степь, лежащую рядом с избытком мимотекущей воды. Ледяную и дождливую зиму сменяла засушливая весна и горячее, с запоздалыми и скудными дождями, лето. Годовая разница температур на поверхности земли иногда доходила до ста градусов. Переселенцы порой не успевали вспахать и посеять за двенадцатидневную весну. Как отмечают дошедшие до нас печатные источники, на первые поселки налетали разбойничьи шайки да кочевники, не признававшие прав русской царицы на раздачу исконно их земель.

...Из всех первых немецких поселений самой известной в первые же годы своего существования стала колония, получившая название Сарепта (по речке – Сарпа). Эта колония возникла в 1765 году на территории Нижней Волги в 27 километрах от Царицына. Религиозная община братьев Гернгутеров сумела за 20-30 лет построить красивейший поселок, в котором было организовано производство хлеба, горчичного масла, сарпинки (дешевая ткань, широко известная в те времена от Белоруссии до Средней Азии), лечебного бальзама (кстати, благодаря ему, в свое время пол-России спаслись от холеры); производили здесь также колбасные изделия разных сортов, знаменитые сарептские пряники, одежду, мебель, табак и т.д. Товарами из Сарепты торговали по всей России. В 1768 году была построена крепость с шестью башнями, двенадцатью пушками. Несли здесь службу солдаты из Царицынского гарнизона. Был в поселке знаменитый водопровод (это еще когда в Москве его не было!), по которому поступала родниковая вода с Ергенинских гор. В те же годы в Сарепте открылся лучший в Европе курорт. В 1772 году была построена кирха, в которой звучал орган; открылись два училища для детей разных сословий.

Участь этой успешной колонии характерна для всех немецких поволжских поселений. В 20-е годы Сарепту переименовали в Красноармейск. В 1937-1938 годы в городе прошли массовые аресты тысяч немцев-мужчин, которые сгинули навеки в сталинских лагерях. Остановились заводы, притихло кустарное производство. А 31 августа 1941 года все немецкое население города накрыло второй, еще более чудовищной волной репрессий, после которой слава его осталась лишь пустым отзвуком достижений трудолюбивого народа.

...В том, что и решение об автономной области, и решение о преобразовании ее потом в республику не были случайными (а тем более, ошибочными, как еще до сих пор полагают некоторые наши сограждане) свидетельствуют факты, подтверждающие глубокое знание В.И. Лениным положения в немецких колониях. Так, одна из глав его широко известного труда «Развитие капитализма в России» полностью подготовлена на материалах по немецким колониям в Поволжье и на Украине.

«В населенной немцами Сосновской волости Камышинского уезда, - писал будущий вождь первого пролетарского государства, - в 1886 году было 10% дворов бездомовых и 44,5% дворов без посева. Не только обездоленные становились ремесленниками, но добрая половина землепашцев вынуждена была отходничать или подрабатывать на дому ткачеством, плетением из соломы и т.п.». Причем, справедливо сетовал Владимир Ильич, ««фабриканты-хищники» оплачивали труд надомников так нищенски, что сарпинщики на свой заработок не могли прокормить детей. И шести-семилетние дети сами должны были заработать себе пропитание, получая за день труда 7-8 копеек. На севере немецкого поселения дети и женщины плели соломенную ленту для шляпочных мастеров, за 30 метров которой они получали полторы копейки».

На прениях в Совнарком (октябрь 1918 года), предшествовавших принятию решения о немецкой автономии, Ленин трижды выступал с обоснованием своих взглядов о необходимости провозглашения Автономной Области немцев Поволжья. И принятие положительного решения было результатом тщательного анализа всех возможных последствий этого серьезного политического шага.

Следует отметить, что в те годы помимо немцев Поволжья в стране существовали еще 14 национальных районов советских немцев (на Украине, в Крыму, на Кавказе и в Сибири). Общая численность советских немцев с их учетом уже в начале 30-х годов составляла – около 2 миллионов человек. Но к концу 30-х годов все национальные районы советских немцев были упразднены. Осталась одна АССР НП, к которой и потянулись все советские немцы из разных регионов страны.

...Немцы-переселенцы и их потомки активно участвовали во всех революционных акциях, были активистами всех общественных движений, возникавших в народной среде царской России. Они были среди декабристов, среди восставших первой российской революции 1905 – 1907 годов, среди видных большевиков. К началу первой мировой войны численность российских немцев возросла за счет естественного прироста до 2 миллионов человек. Около 100 тысяч из них было мобилизовано в действующую армию (стоит иметь в виду, что воевать им было доверено в основном на Японском и Кавказском фронтах); из них 40 тысяч человек погибло, около 30 тысяч получили ранения и увечья.

...В конце 1916 года николаевское правительство, понеся ощутимые потери на Германском фронте, решило отыграться на немцах Поволжья и постановило выселить весь народ (в архивах пока не найдено бесспорных свидетельств о местах высылки, но, по-видимому, речь шла о возвращении на историческую родину). Кстати, это еще один неоспоримый исторический факт, характеризующий личность последнего российского монарха, в угоду политической конъюнктуры и на волне реформаторских ревизий истории в 90-е годы прошлого столетия причисленного к лику святых. А ведь лишь отречение государя от престола спасло тогда немцев от насильственного выселения с обжитых мест.

До выселения дело не дошло, но все «патриотические» газеты тех лет вдруг, словно сговорясь, принялись кричать о будто бы несправедливо привольной жизни русских немцев. И на их фоне горько и сочувственно прозвучали слова поддержки известного писателя Владимира Короленко, опубликовавшего в петроградской газете «Русские ведомости» в ноябре 1916 года статью «О капитане Кюноне»: «...Но...в том-то и дело, что все-таки

капитан Кюнен – немец по происхождению. Фамилия как будто не совсем немецкая; звук отчасти французский. Быть может, когда-нибудь французский гугенот переселился в Пруссию во время гонений...потом беспокойная кровь погнала его дальше, попал он в остзейский край, оттуда – на Волгу, на которой и обжился...Его, конечно, знали на пароходах волжского Общества...но капитана Кюнена на Волге больше нет...он переселился на сушу и на нижегородском базаре продает вместе с базарными торговками арбузы.

Как это могло случиться? Откуда такой странный поворот в жизни волжского капитана? Вся беда в том, что он – русский подданный, служивший верой и правдой матушке-Волге – все-таки считается человеком «немецкого происхождения». Не германский подданный, а просто русский немец.

Что делать! Таким вот образом матушка-Волга проявляет ныне свой патриотизм. Долой немцев!...И не того немца, который рвется через наши боевые линии у Двинска или стучится в южные двери через Румынию. А нашего русского капитана Кюнена, подготовившего для Волги не одно поколение волжских капитанов...то есть человека, ни в чем не повинного и имевшего законное право на защиту всей своей жизни, определившийся долгим и честным трудом на великой сердцевиной реке...

Да, конечно, судьба капитана Кюнена – только маленький эпизод, обида маленького человека... но...подумайте, читатель, сколько теперь таких Кюененов по лицу широкой Руси, сколько их терпит крушение без вины и даже с большими заслугами перед отечеством, сколько слез и обиды, и, главное, слез невинных, обиды незаслуженной терпят эти тысячи людей лишь за то, что их предки были немцы».

До самого своего отречения царь не оставлял своей жестокой мысли о мести немецкой нации, но известные события в стране ему помешали. Буржуазное правительство Керенского временно приостановило выселение. И только Октябрьский переворот окончательно отвел эту угрозу.

В годы гражданской войны трудящиеся немецкого Поволжья массово устремились в Красную Армию. Российских немцев можно было встретить буквально на всех фронтах борьбы с контрреволюцией. А батальон 52-й дивизии, составленный исключительно из немцев Поволжья выходил на штурм Перекопа с песней (перевод с немецкого):

«Мы бьемся за право
Иметь советскую власть.
И умираем в битве
За нашу державу!».

А в послевоенные годы, когда страна испытывала острую потребность в продовольствии, автономная область Немцев Поволжья, ставшая впоследствии республикой, посылала муку, крупы и мясопродукты в Москву, Ленинград и другие крупные промышленные города.

Уже в то непростое время на территории немецкого Поволжья началось строительство первого в СССР тракторного завода. В 1926 году завод выпустил первые 12 тракторов. Когда союзное правительство решило строить более мощные тракторы для увеличивающихся колхозных полей, завод стал выпускать дизельные двигатели.

За десять послевоенных лет в республике выросли светлые корпуса механизированной текстильной и трикотажной промышленности, выпускающие десятки миллионов метров тканей и миллионы штук вязаной одежды; построены сотни крупных объектов пищевой индустрии. Мукомольные предприятия справляются с переработкой не только своего урожая, но и зерна, присылаемого из соседних областей. Гигантский мясокомбинат, построенный на берегу Волги, обслуживал еще более удаленные районы. Вокруг него уже в первые годы его работы были построены костеобрабатывающий завод и мощный холодильник.

...К концу 30-х годов слава о трудовых успехах края немцев Поволжья разлетелась далеко окрест. И хотя республика была молода, ее вклад в экономику страны был весьма ощутим.

Столицей молодой республики становится город Энгельс (бывшая Покровская слобода), который удачно вписался в скрещении крупных магистралей (с севера на юг – Волга, с запада на восток – железная дорога).

Хлеб из Энгельса шел по Волге до Ленинграда и до Белого моря. Предприятия города частью перерабатывали транзитные грузы (хлеб, мясо, лес, соль) и отправляли железной дорогой на Большой Заволжский Сырт, на северо-восток, восток, юго-восток и юг, в степи Западного Казахстана.

К концу 30-х годов Энгельс представлял собой одноэтажный город с деревянными прямыми и длинными улицами. Несколько многоэтажных домов были издали видны на фоне темных кровель старых домов. Площадь, по словам старожилов, была так громадна, что юные скверы, раскинувшиеся между зданием Совнаркома и новой школой-десятилеткой, напоминали старинные парки.

В засушливых полях, страдавших от недородов, трудолюбивые крестьяне стали собирать урожаи, невиданные за всю историю заволжских степей. И хотя удельный вес пострадавших от раскулачивания немцев был несколько выше, чем у других народов (так как количество зажиточных немецких семей по понятиям того времени было значительно больше, чем, скажем, зажиточных русских или украинских семей), сельское хозяйство развивалось в республике невиданными темпами. За пятилетие с 1932 по 1937 годы средняя урожайность пшеницы составила – 32,7 пудов с гектара. В лучшее дореволюционное пятилетие снимали 26 пудов. В 1937 году площадь посевов выросла до 1 миллиона 311 тысяч гектаров, значительно превысив размер дореволюционных посевных площадей. В одном только 1937 году в республике было разбито 364 гектара новых садов, на которых зазеленели листвою миллион фруктовых деревьев.

Был и на этих улицах праздник

...Вот чему удивлялись, попадая в села немецкого Поволжья, заезжие корреспонденты из московских газет и журналов, так это веселому оптимизму их жителей! В клубах, какие имело каждое уважающее себя село, каждый вечер танцевали под музыку самодеятельных оркестров все – от мала до велика. Танцевали буквально до упаду польки, вальсы, фокстроты и старинные танцы. Танец «Герр Шмидт», «танец богатого», танцевали старички – с достоинством и серьезной вальяжностью, а «Армертанц», «танец бедняка», танцевала веселая молодежь – шутя и гримасничая. И в каждом селе были свои излюбленные танцы и виртуозы-танцоры. Но самыми рьяными плясунами всегда почему-то оказывались старики.

...А вот картинка с натуры, подсмотренная одним таким московским журналистом в августе 1937 года:

«...Величава и покойна пахнувшая рыбой и тиной Волга. Триппельсдорф знойно сух, и желто-серые дома его точно припудрены пеплом. Главная улица, идущая вдоль реки чиста и пуста, как печь, подготовленная к посадке хлебов: все перегорело, и прах выметен, она излучает жар. От жара звенит в ушах, но ни одного звука не родится в Триппельсдорфе в полдень.

Сегодня, впрочем, некому шуметь – все отправились на колхозный праздник.

Блюменфельдовский колхоз – победитель в районном соревновании колхозов. Он первым закончил весенний сев и сейчас пригласил соседей к себе на праздник.

По всем дорогам мчатся в село к колхозу-победителю грузовики. Они везут множество мужчин и женщин, девушек и детей. Песни заглушают рев моторов. Навстречу им летят обратно пустые грузовики за оставшимися.

Гостей встречает колхозный актив под звуки веселой музыки.

Обед длится два часа и обходится он без капли спиртного. Жены правленцев и районных руководителей внимательно ухаживают за гостями. Колхозный оркестр гремит – музыканты неугомымы. После обеда грузовики отвозят народ на обширный луг перед плотиной.

Длинной шпалерой собрались гости вдоль свежей, только что проложенной дорожки. Гарцуют всадники, вертятся в танце старики и молодежь. Тачанки, взметая пыль, несутся по дороге, катая любителей. Отовсюду сбегается ребятня. Вдруг над головами собравшихся слышится рокот мотора – это сюрприз хозяев – самолет из Энгельса, вызванный специально для гостей. К величайшему удовольствию ребят и взрослых, самолет, быстро снизившись, вот уже бежит по дорожке легко и просто, как колхозный ГАЗ. Через несколько минут не было отбоя от желающих полетать.

Ни тачанки, ни грузовики не пользовались таким успехом, как самолет. Блюменфельдовцы гордились своей выдумкой.

Музыка, рокот самолета, шум голосов, пенье стоят над Блюменфельдом. Праздник в разгаре.

Гость из Триппельсдорфа с сожалением смотрит на вытоптаный луг:

- Ваши коровы будут голодать все лето. Не жалко?

Но председатель смеется:

- Вы забыли про нашу плотину!

...Блюменфельдовцы не стали ждать Волги. Поздней осенью прошлого года они начали строить в двух балках плотины, чтобы собрать снеговые воды.

Старики спорили и говорили, что это глупая затея. Но Шнидер первый взял заступ и заявил: «Я вырою 20 кубометров».

Он работал великолепно, увлекая недоверчивых и нерешительных. Сто человек из двух сел за три осенних месяца выкопали, перевезли и сложили 67 тысяч кубометров земли. Но этого было мало, они работали всю зиму и добавили еще 7 тысяч кубометров трудоемкой мерзлой земли.

Весной у плотины с надежным высоким гребнем разлилось два озера».

...Вот картинка другая, описанная этим же журналистом в том же августе 1937 года:

«Молодой поселок возник из-за поворота дороги, как мираж посреди степи. Издалека видны приподнятые прямоугольнички цвета какао – это мазаные крыши ферм. Предусмотрительные хозяева сбросили снег, чтобы крыши не намокали. Снега так много, что он встал с земли высокими валами до крыш. За снежными валами не видно низких строений. Наклонные выемки в снегу спускаются к тамбурам входных дверей, за тамбуром – уютная двухсветная, солнечная комната. Стены окрашены веселой розовой краской и разрисованы синими цветами по белому фону, сквозящему между синим и розовым. Украинцы и немцы Поволжья любят эти веселые краски, и в их домах – на стенах, на мебели, на посуде – всюду цветы.

Умывальник привешен у деревянной разрисованной подставки. Полочка над столом украшена бумажными кружевами, розовой стружкой и степными травами, похожими на крошечные вечнозеленые деревца. На их веточках развешены вечноцветущие сердечки из бумаги.

За печкой стоит широкая кровать. Над кроватью – веселый и яркий плакат: на зеленой мураве пасутся рыжие телята; три девушки в желтых передниках и белых блузках улыбаются им. Девять больших розанов из фиолетовой и розовой стружки приколоты к краям плаката и соединены шелковой алой лентой.

Невысокий палисадник отгораживает переднюю часть помещения.

Над палисадником, повыше человеческого роста, развешены вафельные белые утирки, над каждой наклеена метрика телянка и приколот пышный розан. За палисадником на укрытой соломой лужайке гуляет штук пятнадцать сытых и довольных телят. Это телятник.

Телятницы поселились сюда, чтобы изолировать телят, когда на фермах появился ящур. Девушка заперлась с телятами – хотя в этом не было ни малейшей надобности – и велела матери приносить сюда еду.

Управляющий подходил к двери и кричал:

- Анна! Ви гейт-с? (как дела?)
- Гут (хорошо), – кратко отвечала она, не отпирая.

Мать кричала из-за двери:

- Анна! Это я! Прими обед...
- Где ты была сегодня? – подозрительно спрашивала Анна.
- Нигде.

Тогда Анна отпирала дверь.

Телятницы-соседки, также переселились в свои телятники. Хотя ящюра уже не было в окрестностях, мнительность женщин не успокаивалась. Они жили целый месяц в телятниках, баловали телят и следили друг за другом. Ни одна не хотела выйти первой.

Горожанину трудно понять подобный энтузиазм ухода за животными. Но каково должно быть недоумение жителя Запада – собственника! Телята принадлежат колхозу, но Анне и другим телятницам социалистическая собственность дороже всего.

Потомки несчастных беглецов из Западной Европы становятся счастливыми свободными людьми, которым завидуют их родичи, оставшиеся в Германии, Австрии и других странах. Удивительная судьба нации!».

Преступная нация

...Удивительная судьба нации! Если учесть, что к моменту написания этих пафосных строк (напомним, что это был август 1937 года) волна сталинских репрессий уже докатилась и до благодатных земель Поволжья.

Да не просто докатилась, а уже всю укатывала, вминала в пропаханные и унавоженные благодатные поволжские земли сотнями тысяч жизни тех, кто эти земли поливал своим потом. Об этих людях молчит официальная история. Лишь редкие правдоискатели, вроде А.Солженицына, пытались приоткрыть те засыпанные пеплом нашей невостребованной памяти о них белые, как саван, страницы. Но и то – с оговоркой: «Да, я знаю, что здесь не глава нужна и не книга отдельного человека. А я и главу одну собрать обстоятельно не умею...». Так начисто все было соскоблено из официальной истории, зачищено, замаскировано. Как будто и не было того жестокого и невиданного по цинизму кровавого произвола по «раскулачиванию» деревни, унесшего по самым осторожным подсчетам 15 миллионов жизней наших соотечественников. Причем, в основной своей массе, избранных, самых трудолюбивых.

Под раскулачивание непременно подходил всякий мельник. Да что мельник? Если вначале отбирали нажитое добро и ссылали на верную погибель только обладателей крепких

и добротных хозяйств, то потом дело дошло и до так называемых середняков. Удельный вес пострадавших от раскулачивания немцев был выше, чем у других народов страны, так как количество зажиточных немецких семей (по понятиям того времени, например, периода коллективизации) на 1000 человек было значительно больше, чем, скажем, зажиточных русских, украинских семей и семей представителей иных национальностей.

Ну, а за раскулачиванием на страну обрушилась новая напасть – голод. И это была страшная плата за слепое следование бредовым идеям вождя. А впрочем, никто и не спрашивал у народа, как ему распорядиться обустройством деревни и как накормить страну. Деревня была переломлена через колено жесткой рукой бессердечного реформатора, обескровлена и брошена на произвол судьбы. Люди были вынуждены есть собак, кошек, лягушек... Они воспринимали смерть, как избавление от мук. В деревнях, на дорогах и на полях лежали неубранные трупы. В рожицы у станций нельзя было вступить – целыми семьями умирали несчастные люди, так и не смогшие убежать от смерти.

Статистика и прочие материалы о трагедии 1932-33 годов в советской печати не публиковались. Лишь недавно историк А. Герман обнародовал ужасающие цифры: смертность населения по Немецкой республике составила в 1932 году – 20 152 человека, а в 1933 году – 50 139 человек. (Для сравнения: в 1925-28 и 1938 годах среднегодовая смертность составляла около 12,5 тысяч человек). В Германии, прознав про эту беду, все население решило поучаствовать в сборе продовольствия для голодающих советских собратьев. Но руководство СССР, гордо отвергнув помощь, публично восприняло эти действия крайне враждебно – их заклеямили (о, как это уже нам знакомо!) как «бездарную ложь», «измышления фашистов», «наглую клевету». Советская печать стала публиковать письма немцев-колхозников (тех, кто еще не умер от голода?), что они, мол, абсолютно сыты и готовы ответить на клевету западной пропаганды усиленной сдачей хлеба государству.

...Сегодня все те, кто незаслуженно пострадал от произвола сталинской судебной машины, реабилитированы. Большинство из них – посмертно. Но никто до сих пор официально не извинился перед этим народом за многолетние страдания и незаслуженные гонения, явно имевшие признаки геноцида.

Вчитываясь сегодня в текст того кощунственно зловещего Указа Президиума Верховного Совета СССР (№21-160 от 28,08,1941 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»), который кровавым росчерком пера сановных правителей «самого справедливого общества» поставил крест на судьбе целого народа, поражаешься прежде всего его коряво, явно впопыхах построенной преамбуле. А стиль изложения! А еле скрываемый пафос «шпиономании»! А цинизм формулировок о районах, «изобилующих пахотной землей»!

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, – следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами, в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий (ах, вот, оказывается, каков он главный довод для отправки немецкого

мужского населения за колючую проволоку сталинских лагерей, а их семей – на поселения с режимом комендатур. Ну чем не исключительно отеческая забота о мирных гражданах республики? Примечание автора). Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья в другие район с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах».

И, наверное, слезы умиления у выселяемых должны были вызвать установленные мудрым вождем всех народов сроки выселения – 24 часа с момента объявления сборов. И, наверное, благодарить они должны были гуманную Советскую власть за то, что не устроила она им публичной массовой порки, а в «телячьих» вагонах отправила в малонаселенные края, милостиво разрешив взять с собой все то, что можно унести на руках.

И самой кощунственной в том Указе видится логика преамбулы. Ведь так ловко подобраны слова, что получается: вроде как проявлена забота...Ну, как же? Шпионы, внедренные в ряды ничего не подозревающего населения, а ну как начнут взрывать объекты животноводства и жечь колхозные поля? А НКВДэшники, сбитые с толку одинаковой немецкой речью что шпионов, что местного населения, не будет знать, в кого стрелять?

Указ был принят 28 августа, а обнародован 30 августа 1941 года в республиканских газетах АССР НП – «Большевик» (на русском языке) и «Нахрихтен» (на немецком), а также передан по местному радио. Из центральных изданий Указ не могли обойти лишь «Ведомости Верховного Совета СССР». Больше он не публиковался в открытой печати вплоть до 1991 года.

Дата публикации Указа совпала с последним днем выхода в свет всех газет немецкой республики. Эта же дата стала со временем упоминаться как последний день существования Немреспублики, хотя в названном Указе ничего не говорилось о ее упразднении.

Более 400 тысяч немцев Поволжья было в считанные дни вывезено на восток. Их имущество, оставленное по квитанциям, власти обещали вернуть, Однако соответствующие квитанции успели получить лишь единицы. Нельзя же было до такой степени быть формалистами, чтобы из-за каких-то бумажек задерживать выполнение ответственной «государственной операции».

...Лишь в 1996 году стал достоянием гласности документ, родившийся за два дня до вышеприведенного Указа. Это было Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) (№2056-933 от 26.08.1941 «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»). Этот документ подтвердил, что главным виновником и вдохновителем геноцида против российских немцев был лично Секретарь ЦК ВКП (б) и Председатель СНК СССР И.Сталин. Он, конечно, не считал нужным обосновывать как-то свои людоедские решения, а тем более сверять их с законом. А подданные бросились выполнять указания «красного монарха», стремясь опередить друг друга в показном рвении. Не дожидаясь формальных указаний от «законодательного» органа, НКВД СССР уже на следующий день издал соответствующий приказ. Для проведения «операции», намеченной на 3-20 сентября, приказ предусматривал направить в АССР НП 1200 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции, 7350 красноармейцев. Столь же массивные силы командировались в Саратовскую и Сталинградскую области. И это в те дни, когда на фронте был на счету каждый штык!

Кремлевские шуты

...Удивительная судьба нации! Вдумайся, читатель, в глумливо-циничный смысл восклицаний продажной прессы сталинских времен, как будто бы заранее ожидавшей от немецкой нации настроений и трудового усердия, не соответствующих эпохе всеобщего энтузиазма. И эти фальшивые восклицания полностью отражают такие же фальшивые знаки внимания к немецким героям трудовых буден со стороны чиновничье-официозного люда страны того времени.

Вот, например, как в истории с дояркой колхоза «Большевик» Лизандергейского кантона Екатериной Граубергер.

...Февральское утро 1936 года. Впрочем, какое утро – ночь, 4 часа. По тропинке гуськом к ферме быстро шагают женщины. Идут, молча, только снег скрипит под валенками.

Так каждый день: к четырем часам на дойку, потом – к восьми утра, к полудню, к шестнадцати, двадцати и двадцати четырем часам. В промежутках сдавать молоко, ухаживать за животными, подвозить сено.

За разговорами и работой не заметили, как время пролетело. Пора коров выпускать. Когда вышли во двор, то первое, что заметили, это санки, на которых неся к ферме местный конюх.

- Катя! – закричал он с озабоченным лицом, – срочно иди сюда. В сельсовет поедем!

- Зачем это в сельсовет? – удивилась доярка – у меня дела...

- Потом будешь спрашивать. Сказали, срочно...

Когда Екатерина вошла в кабинет председателя колхоза Андрея Егоровича Поннера, тот по-военному докладывал кому-то по телефону:

- Да уже послали за ней...ясно...слушаюсь...

Увидев Катю, виновато улыбнулся и, не глядя ей в глаза, сказал:

– Вот такие дела, Екатерина...сейчас за тобой приедет товарищ из НКВД...

– Это зачем же из НКВД? – бледнея и ощутив неприятную дрожь в коленках, осела она на диван.

- Я, дочка, и сам не знаю зачем...наверное, приедут и объяснят...

Председатель даже домой не разрешил Кате сбегать, сказав, что родственников сам предупредит.

«Ну, вот и все...», – подумала тогда Катя. Она знала, что если твоей особой интересуется НКВД – ничего хорошего не жди. Даже в их захолустном селеньи одно упоминание названия этого зловещего органа наводило необъяснимый ужас на селян.

Дверь отворилась без стука. Вошел молодой, румяный с мороза милиционер в ладно пригнанной шинели.

- Вы Екатерина Давидовна Граубергер? – строго спросил он Катю.

- Да, это я, – ответила она, но с дивана не встала – не смогла.

- Тогда пойдете, вас ждут.

Как есть – в валенках и пахнущей навозом телогрейке привез ее милиционер к одноэтажному кирпичному зданию районного управления НКВД. Ее ввели в просторную, жарко натопленную комнату. Со стены напротив, с портрета строго смотрел товарищ Сталин, а из-за дубового письменного стола поднялся плотный мужчина, одетый в полувоенный защитного цвета френч без знаков различия.

– Значит, вот вы какая, Катя Граубергер, – внимательно осмотрел он ее, – так, так...сейчас вас проводят до станции. Там сядете в вагон и выйдете в городе Энгельс. Вы меня поняли?

– Поняла, – кивнула Катя и, умоляюще взглянув на продолжающего ее разглядывать мужчину, с отчаянием в голосе тихо спросила: – Так куда меня везут? Скажите ради бога...

– Ну, во-первых, бога нет, – наставительно сказал мужчина, – вы, как комсомолка, это должны давно усвоить. А вот куда и зачем, в Энгельсе сообщат.

Но в Энгельсе встретивший ее на перроне мужчина, тоже ничего не сказав о цели поездки, отвез ее через Волгу в Саратов и усадил на поезд Саратов-Москва.

И только в поезде...только к вечеру заполошного дня, когда ее душа уже не чаяла выбраться на божий свет, Катя узнала, что она включена в состав делегации Автономной республики немцев Поволжья, которая направляется на Всесоюзное совещание передовиков животноводства!

Ну, разве обычный разум способен понять такой по детективному закрученный избыточно энергичными розовощекиными районными энкэвэдэшниками сюжет отправки сельской девушки на очередную акцию показа народу «отеческой заботы» о нуждах трудового крестьянства мудрого вождя? Зачем была такая конспирация, что девушка чуть рассудка не лишилась? Ведь не покушения же они опасались. Они элементарно ржали над ней здоровым мужским смехом, глядя на ее испачканные навозом валенки и представляя картинку появления доярки в кремле. Разве не насмешкой было то, что она в Москву поехала не только в телогрейке, но и в платье, в котором не стыдно было ходить только среди телят.

В Москве Катю сразу же повели в магазин и, словно оправдываясь, попросили выбрать из одежды, что она захочет. Об этом эпизоде она, всегда мило смущаясь, вспоминала: «Удивительно, но денег с меня не взяли...впрочем, денег у меня все равно не было...».

На второй день совещания прямо из зала Катю опять под белы ручки повели военные в форме НКВД по кремлевским коридорам. Остановились у дверей одной из комнат. Когда Катя вошла, то обомлела. За столом сидели Сталин, Калинин и Ворошилов.

– Проходи, проходи, Катя, ведь ты выступать будешь завтра, а мы хотим тебя чуть раньше послушать. Если не возражаешь, конечно...», – постукав трубкой об стол, буднично обратился к ней Сталин.

Хорошенькое дело – не возражаешь...Конечно, Катя не возражала, только о том, что она должна выступать, услышала впервые.

– Главное, Катя, – поучал ее Сталин, – нам всем интересно знать, как живут люди в вашем колхозе. И еще Расскажи об одном из своих дней на ферме: когда туда приходишь, с чего начинаешь...

Вобщем, уезжала Екатерина из колхоза в телогрейке, а вернулась в нарядной одежде и с орденом Ленина на груди. А пока она была в Москве, для ее семьи новый дом выстроили, установили в нем телефон, обставили мебелью, даже постельное белье завезли и еще пианино, на котором в семье играть никто не умел. 12 декабря 1937 года Екатерину Граубергер избрали депутатом Верховного Совета СССР.

К печально известному августу 1941 года Екатерина Давидовна была известным и уважаемым человеком. Она вышла замуж и была матерью двоих детей. Но заслуги перед страной не дали ей гарантии от обвинений в «шпионских намерениях», которые якобы вынашивала «злодейская немецкая нация». И тот же благодушный «отец народов», что ласково беседовал с ней о тяготах сельского труда, теперь поставил на ней несмыслимое годами клеймо «спецпереселенца». И совершенно не имело значения для вождя с наклонностями паранойи, что за человек тот, кто попал под выселение с насиженного места. Коммунист ли со стажем, комсомолец, активный участник гражданской войны, депутат

Верховного Совета...А впрочем, в 1944 году Екатерину Давидовну, как и других депутатов от немецкой республики, отозвали из депутатов как ...утративших связь со своими избирателями.

В глухом селе Турунтаево Туганского района Томской области Екатерина пахала землю, сажала картофель, работала вначале дояркой, а потом заведующей фермой. Ее мужа, как и других мужчин-немцев, отправили в трудовую армию. Он работал на угольной шахте в Тульской области. И увиделись они только после войны, в 1947 году.

И снова фамилия Граубергер мелькает на страницах местных газет. В 1954 и 1955 годах Екатерина становится лучшей дояркой Томской области.

В 1956 год их семья (в которой к тому времени – уже пятеро детей) переезжает в Казахстан. Здесь мало кто знал, а главное, никто не интересовался их прошлым. Колхоз, в котором трудилась Екатерина с мужем, только становился на ноги. В цене были не прошлые заслуги, а сегодняшняя работа. Но уже через год фотографии Екатерины Давидовны и Давида Давидовича снова красовались на колхозной Доске почета. Все вроде наладилось. И, может быть, снова на всю страну прогремела бы фамилия Граубергер, на это раз – как лучшего свекловода, если бы не тяжелая болезнь Екатерины Давидовны.

В 1967 году она ушла на пенсию. Произошло это незаметно. Никто не догадался поздравить ее, преподнести букетик цветов. Пенсию ей определили в размере ...12 рублей.

Трудовая армия... Война с кем?

...Удивительная судьба нации! Если, например, выселенные чеченцы, так и не прижились на землях Казахстана: они годами жили в наспех отстроенных низеньких саклях, всем своим видом говоривших о своей временности, а их женщины наотрез отказывались выходить на колхозную работу; то немцы даже богом забытые места умудрялись за год-два обжить так, что казалось, будто они тут живут вечно. Да что обжить...Они и за колючей проволокой жили так, как будто были равноправными гражданами Советского общества. Бывший политрук трудмобилизованных немцев на строительстве Богословского алюминиевого завода (БАЗстрой НКВД) на Северном Урале Эдуард Айрих вспоминает: «Забота о Красной армии была у нас всегда на первом месте. Ведь в большинстве своем мы проходили воинскую службу еще до войны, а многие пришли из действующей армии к нам в трудовую армию. Поэтому к праздникам: Новому году, 23 февраля, 1 Мая и 7 ноября мы всегда из своей скудной дневной нормы выделяли по 200 граммов хлеба с человека, чтобы потом из муки испечь печенье и отправить подарки на фронт. Особый энтузиазм вызвало предложение произвести сбор средств на вооружение Красной Армии. Трудовой армейцы БАЗстроя собрали для этих целей свыше двух миллионов рублей. После этого пришла благодарственная телеграмма Сталина: «Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на БАЗстрое, собравшим 353785 рублей на строительство танков и один миллион 820 тысяч рублей на строительство эскадрильи самолетов, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Каков цинизм «Главного Благодетеля» страны, прекрасно осведомленного о положении трудящихся «братьев»?

...Трудовая армия... Трудовая армия...Где еще, в какой иной стране додумались до такой формы организации своих сограждан? Конечно, ситуация военного времени диктовала принятие жестких и неординарных решений. Никто не возражает, что обстановка тех лет, когда даже «отец народов» трусливо метался между кремлем и вокзалом, где стоял под парами паровоз, готовый в любую минуту увезти Главного Спасителя нашего в

куйбышевские бункера, оправдывала любые, даже самые непопулярные методы воздействия на растерявшуюся в этих условиях часть населения. Но до какой же степени надо было не верить в своих сограждан, что мерой понуждения их к труду (к такому, какой должен соответствовать духу времени) избрать форму армейской (читай – палочной) дисциплины?

О трудармиях почти ничего нет в официальной исторической беллетристике. Даже у А.Солженицина в его поистине фундаментальном труде «Архипелаг Гулаг» им отведено всего несколько строк. Скрывают свои зловещие тайны и нераскрытые полностью до сих пор партийные архивы. Поэтому и автору этих строк приходилось довольствоваться случайными газетными публикациями (достоверность которых, думается мне, бесспорна по той причине, что полностью стыкуется с воспоминаниями тех очевидцев, с которыми мне приходилось сталкиваться во время моей журналистской работы) и устными рассказами этих очевидцев.

Великому самодержцу всея Руси было наплевать даже на легитимность своего решения о придании полувоенной формы труду своих сограждан. И ведь ладно бы люди не понимали важности всемерной мобилизации всех своих сил на трудовые подвиги, ладно бы наблюдались где-то признаки скрытого саботажа. Ладно бы не становились к станкам 13-летние подростки, а пожилые бабушки не шли круглосуточно дежурить в госпитали. Нет, подозрительно недоверчивому главнокомандующему везде и во всем мерещились саботажи и скрытые элементы расхлябанности. Вот и появились где-то уже сразу после начала войны те секретные постановления ГКО, где говорилось «о мобилизации трудящихся» в те или иные отрасли народного хозяйства. Самой первой отраслью, куда были брошены мобилизационные силы (причем, как мужского, так и женского населения страны) было железнодорожное хозяйство.

Надо сказать, что касалось это постановление практически всех трудоспособных (даже ограниченно, то есть даже заведомо инвалидов) граждан, независимо от их национальности: в возрасте – от 15 до 55 лет у мужчин и от 17 до 45 лет у женщин (при условии, что у них нет детей до 3-х лет). Так попал в трудармию 42-х летний Коробейников Константин, житель пригорода Н.Тагила Свердловской области, инвалид (по ранению) гражданской войны, который после двух лет каторжного труда в железнодорожных мехмастерских умер и был похоронен, как неопознанный (разве ж было кому-то время сообщить о нем живущим неподалеку родственникам?) в большой «братской» могиле. Так попала в трудармию 18-летняя Соколова Надежда, жительница г. Кирова, 17-летняя Бочкарева Светлана, жительница г. Костромы.

Но если их трудармия ограничивалась только строгостью режима работы да письменными обязательствами о беспрекословном подчинении руководству, то немецкая трудармия была совсем иного рода. И если бы по аналогии с обычной армией здесь по законам военного времени люди гибли бы во имя достижения поставленных целей «не жалея живота своего», но смерть их была бы обставлена пускай условным, но антуражем героизма, то это было бы не так обидно. Немецкие трудармейцы были с самого начала уподоблены проштрафившимся перед своим народом заключенным-уголовникам. Их привозили на неподготовленные к проживанию стройплощадки или лесные делянки, но уже обтянутые колючей проволокой с военизированной охраной. Их морили голодом (а что жалеть? Такой дармовой рабочей силы – поскреби по стране – еще не на один десяток этапов наскребешь), а то и просто отстреливали, как отработанный материал. «У меня просто кровь в жилах леденела от негодования и ненависти, когда видел этих немцев, – откровенно поделился как-то с журналистами партийный секретарь одного городка Северного Урала (А.П.Измайлов) – я ведь подростком был в оккупации... такого насмотрелся...». И это было сказано уже где-то в начале шестидесятых годов. А в те – сороковые, роковые что говорили подобные ему?

Трудовая армия...Цинизм этого словосочетания заключался и в том, что у трудармейцев, по сути, была отобрана надежда на то, что со временем «все образуется». У обычных заключенных были пускай немалые, но сроки отсидки. Пускай они тоже страдали

от несправедливости лагерной жизни, но у них впереди брезжила хиленькая перспектива. А у немецких трудармейцев и такой не было. «За что? За что?» – кричали их наполненные безответного отчаяния души. Но ответом была равнодушная, неоправданно жестокая повседневность.

Первый поток немецких трудармейцев был призван через райвоенкоматы с Украины уже в сентябре 1941 года. Они испытали на себе всю горечь унижений без вины виноватых. Удивительным было то, что, загнав их в условия лагерного режима, органы НКВД им милостиво разрешили сохранить за собой членство в коммунистической партии и ленинского комсомола. Это же только додуматься надо было – член коммунистической партии, находящийся за колючей проволокой, как потенциальный или скрытый диверсант! И ведь на полном серьезе при неснятых обвинениях, которые то и дело лагерники открыто бросали в лицо трудармейцам, партийным организациям разрешали работать и принимать какие ни какие «партийные решения».

Этому потоку было суждено строить первые бараки, торить ценой жизни нехоженые тропки организации строительных и лесоповалочных работ в условиях зимних стуж. «К работе они приступили в условиях наступивших холодов, а теплой одежды не было, – вспоминает Эдуард Айрих, – Объектами работы были каменный карьер, строительство плотины и прокладка подъездных путей. Основными орудиями труда – лом, кайло, кувалда, кирка, лопата и тачка». За год с небольшим плотина была построена, но половина трудармейцев (около пяти тысяч человек) здесь нашла свою могилу. Характерно отношение властей к героически (а как иначе назвать труд на грани жизни и смерти) отдавшим свои жизни во имя Великой Победы людей. Их похоронили в нескольких «братских могилах» скопом, порой вывозя из наспех сколоченных «моргов» одной бесформенной массой – «...я один раз видел, мимо проезжал: их целая машина была навалена, доверху...Одни ноги торчали...Голые, не одетые ни во что! Как куры!» (по воспоминаниям Иоганна Гинтера). Под захоронения была отведена площадь в несколько гектаров земли за городом, которая впоследствии была разровнена бульдозерами и (как поступают рачительные городские власти с пустующей землей? Правильно!) отдана желающим горожанам под картошку. А впоследствии, будто напрочь забыв об этих захоронениях, славные продолжатели циничных традиций – городские власти 70-х годов, на братских могилах вдруг вознамерились построить коттеджный городок для работников газовой отрасли (других-то земель поискать было лень). И ведь никто не устроил скандала, когда первые же копки экскаваторов извлекли на белый свет человеческие кости с черепами. Никто не закричал во все горло: «Да как вы смеете тревожить покой невинно умерщвленных?», когда поселковые собаки бегали по дворам с человеческими костями в зубах.

А всего по последним обнародованным данным из 21 тысячи российских немцев, что прошли через БАЗстрой, погибли 9 с лишним тысяч. Почти каждый второй.

Когда приехала на БАЗстрой вторая партия трудармейцев, оставшимся украинским немцам дали по небольшому пайку хлеба (на 5-6 дней) и погрузили в вагоны – они уже не могли работать, были слабосильные. Повезли в Екатеринбург. И то ли круглыми идиотами были те лагерники, что принимали такое решение, то ли, наоборот, очень смышленными, – но обессиленные с помутненным рассудком люди, съев сразу весь выданный на дорогу хлеб, почти все поголовно умерли. Так что в Екатеринбурге их выгружали из вагонов похоронными командами.

Вторая партия трудармейцев прибыла на Северный Урал из Сибири (куда уже были к тому времени переселены немцы Поволжья) в январе 1942 года.

«Утром состоялась наша первая встреча с лагерным начальством, вспоминает Э.Ф.Айрих, - Перед нашим строем выступил с «программной» речью начальник 1-го отдельного лагерного пункта (ОЛП) капитан НКВД Паперман. Смысл его речи сводился к одному: всех нас как шпионов и диверсантов следовало бы расстрелять из пулемета. Но с

нами поступили гуманно и дали возможность честным трудом искупить свою вину. После такой проповеди хотелось во все горло кричать: «За что? За что? За что?».

Кувалдой по черепу

А за то! Уж им паперманам, бергманам и френкелям (руководители крупнейших сталинских «строек века» того времени) это было доподлинно известно. Они к шпионам причислили (соответственно с этим строилось и все отношение в трудармейцам) и Иоганна Гинтера, который попал в ту партию трудармейцев вообще странным образом – после тяжелого ранения под Смоленском. «Меня отправили в Тамбов, в госпиталь, – вспоминает он, – потом дали отпуск на месяц. Поехал домой в Поволжье – я ведь ничего не знал про Указ – а там никого не было... Я в военкомат... Там в военкомате мне дали 21 рубль. А потом куда? Они ведь не знали, где моя семья. Пошел в НКВД. Там тоже точно не знали, но сказали: «Этот эшелон ушел в Тюмень». Я в Тюмень, опять в НКВД. Они сказали: село Успенка, около 50 километров от Тюмени. Я туда. Нашел семью, но пока все это объехал, отпуск кончился. Надо в госпиталь. Пошел в Тюмени в госпиталь, там записали «негоден к строевой службе». Я с этими документами – в штаб. Там сказали: «Иди в военкомат». Через пару дней меня забрали в трудармию».

Вот так недолечившийся калека прямо с фронта отправился в трудовой «санаторий» Северного Урала.

«Заключенных, которые работали рядом с нами, кормили лучше, – вспоминает с горечью Иоганн Гинтер, – Я ведь ездил в те зоны, где они находились. Я видел, как они лежали, – койки и все такое, что положено человеку. И в столовой они по три раза питались. Бывало, продукты привозишь кому-то (это называлось «калым») и они тебя кормят. У них было гораздо лучше, чем у трудармейцев.

Нам давали одну баланду и 400 граммов хлеба. А тут такая тяжелая работа... Весь котлован под фундамент завода – там глубина страшная – выкопан вручную... И зимой, и летом.

А если бригада норму не выполнила, тебя не пускали в зону. Лежали по 2-3 часа на улице, пока мастер не попросит, чтоб их пропустили.

...А вместо кроватей – доски. Дед жены, он был в Омске, еще худшее рассказывал. У них даже досок не было: просто круглые бревнышки положат – на этом и лежали. Ни матраса, ничего...

Первыми умирали люди, которые раньше физически много не работали, и те, кто сильно курили... Если человек курил, он свой хлеб – 200 граммов – на папиросы менял. Когда сильно хочешь есть, то кажется, что курево помогает. Но это не помогало...».

«Минуточку, минуточку, – скажет внимательный скептик, – значит, табачок-то в зоне все же был? И потом, что вы скажете на то, что в трудармиях не запрещался товарно-денежный обмен?»

Да, табачок попадал с воли – некоторые трудармейцы получали нехитрые посылки от своих престарелых родителей, которые находясь в жутких условиях высылки, все же умудрялись собрать иногда для них какой-нибудь «гостинец». Но это же были сущие крохи. Некоторые немцы, даже получая посылки, все равно умерли. А деньги? Их, действительно стали платить в конце войны. Заметьте – в конце войны! Но что же получали трудармейцы на руки? С них вычитали за жилье, за свет, за одежду... Если ты, положим, пять рублей заработал, то получал всего два пятьдесят... потом вычеты – за Красный крест (никто не спрашивал, а потому никто и не объяснял, что это такое), за Фонд обороны, за облигации... В итоге: как говорится, осталась в кармане вошь на аркане.

«Когда деньги получать, к тебе подходят и говорят: «Подпиши вот за облигации... А коль, останется, – то и за Красный крест», – вспоминает И.Гинтер, – Мы даже не видели этих денег, их высчитывал из зарплаты бухгалтер». А если не заплатишь? «Да, да! – радостно подхватит внимательный скептик, – разве приобретение облигаций дело не добровольное? Ну не хочешь платить в фонд нашей будущей Победы над врагом, то, как говорится, оставайся при своих...». Добровольное-то оно, конечно, добровольное – это дело... Только вы забыли, кто по национальности наш враг? И если русский не купит облигацию, отдав последние заработанные деньги, то его в худшем случае крепко пожурят. А если облигацию не купит немец... Нет, его не расстреляют и даже в карцер не посадят. Но спокойной жизни он отныне лишится. В зонах ведь какое главное правило? Не попадайся на глаза лагерному начальству. А тут ты не только попадешься, а будешь – как бельмо на глазу!

За что? За что? За что?

...Вдовы трудармейцев поселка «Труд» Алтайского края Эмилия Дотц и Екатерина Шнайдер подсчитали, что из 87 мужчин села Эндерс бывшей АССР немцев Поволжья, находившихся во время войны в лагпункте «Тимшер», живыми вернулись к своим семьям только 23 человека. Пятеро из них вскоре умерли.

Есть в Пермском крае такая река – Тимшер. Там и находился печально известный одноименный лагерный пункт (в 180 километрах севернее города Соликамска). Кроме него, в этих глухих таежных лесах появились в разное время лагеря поменьше («Чепец», «Омут», «Пильва», «Ильинка», «Москали», «Мазуня», «Челва»). Все они относились к Усольягу и были мужскими. Где-то там же находились ныне безвестные лагеря с трудмобилизованными женщинами-немками.

Лагеря эти были построены еще до войны и к 1942 году опустели, потому как заключенные на лесоповале мерли, как мухи. Ну, так что, уже готовым лагерям да пустовать? «А давайте-ка заполним их немецкими трудармейцами», – предложила, наверное, однажды высокому начальству какая-нибудь одна умная вертухайская голова. И уже как-то само собой затерлось различие между обычными зэка и немецкими трудармейцами. Уже и само слово «трудармия» звучало, как «лагеря».

И довольно быстро заполнили. «...После долгого пешего пути в лагпункт «Тимшер» мы прибыли поздно вечером, – вспоминает Фридрих Лореш, – Ночь провели в зоне – холодном бараке. Утром осмотрелись: в нашу половину барака попали жители сел Эндерс, Швед, Мариенталь и города Маркштадта. Вот тут мы, наконец, и разглядели, что находимся за сплошным четырехметровым забором и колючей проволокой... По углам зоны стояли сторожевые вышки, а в проходной дежурила вооруженная охрана...

С первого дня работе отдавали все силы, но норму все равно не выполняли. Обессилевшие рабочие замерзали прямо в лесу у костров. Одни из первых умирали интеллигенты – они были не приспособлены к тяжелой физической работе.

В январе 1943 года большую часть лагпункта, куда попал и я, отправили этапом на лесную деляну, где летом из-за болот заготовка леса была невозможна. Шли пешком, в пути замерзли несколько человек. А наутро на новом месте нас ограбили работавшие неподалеку зэки – украли валенки. И начальник лагеря нас решил за это проучить. Он выгнал всех из барака в имеющейся одежде и обуви. Некоторые на ноги натянули рукавицы. Я был в тоненьких носках и галошах, привезенных еще из дому. Выстроил он нас, человек 18-20, перед проходной по четыре человека в ряд, приказал охраннику нас не распускать и ушел. Мороз, как всегда доходил до 30 градусов и более. Сначала терпели, стояли долго. Продрогнув до костей, обреченные просто заплакали, а начальник не шел. Даже стоящий перед нами охранник с винтовкой, глядя на нас, заплакал. Наконец, пришел начальник и отпустил нас в барак, показав таким образом свой характер...».

Кровь стынет в жилах от этого обстоятельно бесхитростного рассказа. Зачем? Для какой такой надобности? Почему? Показать «кто в тайге хозяин»? Так разве ж и так не видно?

Трудовая армия...Она и на самом деле, соседствуя с эковскими зонами, порой ничем не отличалась от них.

Прощтрафился как-то Иоганн Лиссель, волею судьбы назначенный поваром в лагпункте Зыково (север Свердловской области), – нечаянно уронил керосиновую лампу в горошницу. И смех, и грех. И было-то в той лампе граммов 50 керосина. Это на 2000 человек. «Ты диверсант!», – сказал ему следователь, подписывая бумажку на арест. «Какой я диверсант, я сын колхозника...», – чуть не плакал Иоганн. Вышвырнули из столовой – и на лесоповал. «Работали в лаптях, и это глубокой осенью, – вспоминает он, – Попал на сплав. А там заторы. Мы с баграми, неопытные. Оборвался – и в воду, а обсушиться к костру нас не подпускали. Люди умирали «пачками». У меня все ноги покрылись чирьями...

Через год меня перевели в Горьковскую тюрьму. Потом в Котлас...В Котласе заставили покойников раздалбливать. Хоронить не успевали, так они их...Там же Северная Двина, течение сильное. Раздалбливали – и под лед...

Однажды отказался. Меня в изолятор. 300 граммов хлеба, стакан воды. Ну и все – готов: пеллагрический понос. Попал в больницу, в 13-й барак, где самые тяжелые были. И одна женщина-врач, Александра Ивановна, отнеслась ко мне, как к сыну: «Сыночек ты мой, сыночек! Я не дам тебе умереть...».

У нас под окнами сарай с покойниками был. Мы однажды решили узнать, сколько же людей за сутки туда убирают. Дежурили у окна и насчитали 56 человек. Привозят на санях – головами назад, ногами вперед, либо головы сбоку, ноги внутри. А на ногах бирки: фамилия, имя, отчество, год рождения, статья, срок, когда кончился – и все! Голые! Охранник с вахтерки выходит, всех пересчитывает. Заходит, выходит снова с деревянной кувалдой и по черепу – хлобысь! Чтоб череп лопнул. На всякий случай, вдруг кто притворился...Каждому...Их в сарае складывали...Там были и заключенные, и трудармейцы...».

И кто после этого скажет, что трудармейцы чем-то отличались от заключенных? Ведь даже кувалдой по черепу им били, не различая, кто из них кто.

Что это, если не геноцид?

За что? За что? За что?

Сотни тысяч немецких трудармейцев терзали себя этим рвущимся из сердца вопросом. И многие из них так и не получили на него ответа. А те, кто получил? Что они думают (или думали – потому что к моменту публикации этих строк умерли из-за надорванного здоровья) по этому поводу сегодня?

Григорий Вольтер: «Я в числе тысяч вчерашних депортированных был направлен Новочеркасским райвоенкоматом в так называемую трудовую армию. То было время, когда людей, как животных, делили на «чистых» и «нечистых».

Горькая реальность открылась нам по прибытии в «Челябметаллургстрой», вернее, в одно из подразделений этого гигантского лагеря – стройотряда № 4 на железнодорожной станции Потанино.

Это – десятки больших бараков с двухэтажными сплошными нарами, кухня, пекарня, баня и, конечно, штаб и карцер. Кругом три ряда колючей проволоки с вышками по

углам, вахта, массивные ворота со шлагбаумом. В общем, классический лагерь для уголовников (собственно говоря, они и находились там до нашего прибытия) и в нем – вооруженные охранники из внутренних войск».

Виктор Кригер: «В первые же месяцы в трудармии было завершено физическое уничтожение немецкой интеллигенции, начатое в предвоенные годы сталинских чисток. Восстановить эту утрату не удалось и по сей день...».

Александр Вазенмиллер: «Осенью 1941 года меня и еще многих моих сверстников из Тюменской области, куда мы были семьями депортированы с родного Поволжья, направили в Ивдельлаг. Северный Урал запомнился на всю жизнь: холод, голод, цинга, болезни... Но именно здесь я узнал, что такое лагерное братство, когда такие же ослабленные люди делились с тобой едой, лекарством и одеждой. Невероятно, но именно здесь я встретил свою судьбу. Я работал на лесоповале в мужском лагере, а моя Анечка – в женском...».

Карл Калаузек: «Первая партия немецких трудармейцев, привезенных на строительство Богословского алюминиевого завода была с Украины. Нас привезли зимой и поселили в палатках, потому что бараки еще только строились. Лес мы заготавливали прямо тут же – на месте будущего пруда. Работали по 12 часов, а после работы каждый должен был на себе принести одно бревно в зону. Из всех моих знакомых я выжил только потому, что меня, как имеющего довоенную профессию шофера, вскоре определили на машину».

Йоган Фрезе: «В феврале 1942 года привезли 15 тысяч трудмобилизованных немцев в Ивдельлаг. Работали мы на лесоповале. Через год нас осталось 3 тысячи. Остальные погибли».

Иван Эпп: «Я был комсомольцем и подал заявление об отправке на фронт. 2 февраля 1942 года меня вызвали в Знаменский райвоенкомат Алтайского края. Военком с ухмылкой спросил: «А разве ты не знаешь, что мы воюем с немцами, а ты тоже немец?». Такой вопрос лишил меня дара речи, и я только смог вымолвить: «Но ведь я комсомолец!». «Какой ты комсомолец, ты немец!». И после этого меня направили в трудармию. Сначала мы работали на строительстве железной дороги Барнаул – Сталинск».

Станным, каким-то чудовищно двуликим был наш гражданский статус. Вокруг все атрибуты лагеря строгого режима для государственных преступников, жесткий лагерный режим, а в обращении звучит благородное слово – товарищ.

На выходе из лагеря на работу «товарищей» предупреждают, словно речь идет об отпетых уголовниках: «Шаг вправо, шаг влево – стреляю без предупреждения!».

Яков Гиберт: «Были зоны с колючей проволокой, охрана с собаками, выход на работу под конвоем, регулярные переклички. Помню снятых с фронта раненых солдат и командиров, некоторые на костылях, с орденами и медалями. Здесь были все – коммунисты и комсомольцы, беспартийные, воины, прошедшие Халкин-Гол и войну с Финляндией».

Василий Кунцман: «Я сначала думал, что это недоразумение, что разберутся. Меня и еще одного красноармейца отозвали из действующей армии в то время, когда мы уже готовились к отражению немецких атак под Москвой. Наш батальон, где я командовал ротой уже был на марше в направлении Смоленска. Все мысли были заняты подготовкой к предстоящим боям... И вдруг вызывают в штаб. Потупив глаза, комбат протягивает мне помятый листочек с Указом... буквы прыгают у меня перед глазами: «По достоверным данным... диверсионные акты по указке из Германии... переселить все немецкое

население...в другие районы...». «А при чем тут я?» – хотелось взорваться от негодования, но тут же стало понятно: «Да ведь я тоже немец». И как бы отвечая на мой немой вопрос, комбат, наконец, поднял на меня усталые глаза: «Извини, лейтенант, приказы не обсуждаются...Я тебе верю, но им сверху видней...». И меня, как проштрафившегося заключенного отправили за колючую проволоку. Сначала в Кизил, а потом – на Северный Урал. И хотя, как фронтовику, мне доверили руководство строительной колонной на строительстве Богословского алюминиевого завода, чувство неполноценности с тех пор никогда не покидало меня...»

Фронтовики! Снимите ордена...

И заметит ли нынешний просвещенный читатель ту глубочайшую глупость, какая сквозила в логике военного начальства того времени? Раз мы воюем с немцами-фашистами, то можем ли доверять своим российским немцам? А почему не можем? Ну, какими же надо было быть твердолобыми тупицами, чтобы не понимать огромной выгоды от красноармейцев, в совершенстве владеющих языком неприятеля? Почему в качестве разведчика, успешно работавшего в тылу врага на оккупированной территории, широко известен только Николай Кузнецов, которого, кстати, немецкому языку научили сосланные, как кулаки, в середине 30-х годов на Урал поволжские немцы. Почему же сейчас никому не известны (хотя их имена в разное время упоминались в прессе) такие герои Великой Отечественной войны, как лейтенант Вольдемар Венцель, погибший при форсировании Днепра, танкисты Петер Миллер и Михаэль Геккель, полковник Николай Охнан, разведчики Николай Гефт и Эдуард Эрдман? Немцы были в подполье Киева, Таганрога, Смоленска, Буденовска, Харькова, Днепропетровска и других больших и малых городов.

...Так получилось, что не сразу мысль о ненадежности российских немцев втемяшилась в болезненный от подозрений мозг Верховного главнокомандующего. До них ли было, когда усыпивший его чуткую бдительность коварный компаньон по переделу Европы «вероломно» вдруг обрушил на страну огромный по разрушительной силе удар? Три месяца потребовалось ему для осознания вредоносности немецкой нации. И, наверное, решение в воспаленном от бессильной ярости мозгу было таким быстрым и спонтанным, что раздумьям о целесообразности принимаемых мер просто не было там места. Приказ о снятии с действующих фронтов немцев появился одновременно с Указом о их выселении с Поволжья, то есть в конце августа 1941 года. Но если из частей, еще не вступивших в боевые сражения с неприятелем, немцев изъять (хотя и не без упорного сопротивления боевого командования) было не так уж сложно, то из подразделений, ведущих кровопролитные бои, это было сделать невозможно. Ну, так вот и проверьте те, кто сомневался в благонадежности российских немцев свои сомнения. Сделайте срочный запрос по всем фронтам: как ведут себя те, кто по крови родственен неприятелю? Но где там! Понятно, что главнокомандующему было не до таких ерундовых мелочей. Когда судьба самой страны виделась кошмарным, полыхающим ядовито смрадным огнем пожарищем.

Но ведь и через три месяца положение на фронтах было критическим. Почему же был отдан тот идиотский приказ?

...А уже в те дни был известен подвиг героев Брестской крепости, где в сплоченной интернациональной команде бок о бок с представителями других национальностей сражались немцы.

...Когда ранним воскресным утром 22 июня 1941 года тысячи вражеских мин, снарядов и авиабомб обрушились на крепость, и гитлеровцам удалось ее окружить, в ней

остался лишь малочисленный гарнизон. Бойцы сражались до последнего патрона, но слишком неравными были силы. Гитлеровцам удалось ворваться в Цитадель. Отсюда фашисты стали продвигаться к Холмским и Брестским воротам. Первой контратакой в районе Холмских ворот их встретили бойцы полка, которых повел в бой полковой комиссар Фомин Ефим Моисеевич. В рядах контратакующих был и старшина роты связи Вячеслав Мейер. И уже к концу второго дня войны фашисты были выбиты из Цитадели. Эта контратака послужила началом организованной обороны крепости.

Атаки не прекращались. Заняв госпиталь на Южном острове, фашисты попытались проникнуть во двор крепости по мосту, ведущем к Холмским воротам. Комиссар Фомин заранее учел опасность такой атаки и расставил бойцов у окон, обращенных в сторону госпиталя. Старшина Мейер возглавил оборону одного из отсеков казармы роты связи. Огонь из пулеметов и винтовок бойцов связи разил гитлеровцев всякий раз, как они поднимались в атаку.

Вячеслав Мейер, высокий ясноглазый блондин в мирное время был комсомольским вожаком, неплохо рисовал, его остроумные карикатуры в боевых листках, стенгазете не раз веселили бойцов полка. И когда вражеский самолет разбросал над Центральным островом листовки о принуждении к капитуляции, Мейер, собрав целую пачку, нарисовал на каждой из листовок свиную морду и внизу по-немецки написал крупными буквами: «не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде!»

...Это произошло в минуты непродолжительного затишья. Мейер с товарищами отдыхал у стены казармы. Через открытый люк в подвале были видны раненые. И невыносимо было ему слышать их душераздирающие стоны. Раненый молодой лейтенант метался в полубреду и поминутно просил пить. Вячеслав не выдержал. Схватив котелок, он выпрыгнул через окно и стремглав сбежал по откосу к реке. И уже вернулся с водой, уже передал котелок товарищам, когда с противоположного берега его сразила очередь. Мейер Вячеслав Эдуардович был награжден орденом Отечественной войны II степени, посмертно.

24 августа 1941 года газета «Комсомольская правда» опубликовала заметку о трагической гибели красноармейца немецкой национальности Генриха Гофмана: тяжело раненый, он попал в плен к гитлеровцам, подвергся страшным издевательствам и пыткам, но никаких сведений враг от него не добился. Когда советские части отбили вражеские позиции, они нашли разрубленное тело красноармейца. Из обрубков палачи выложили звезду, а комсомольский билет Генриха Гофмана приколоты штыком к сердцу.

Сегодня известны имена более десяти советских немцев, удостоенных звания Героя Советского Союза. Их было бы несомненно больше, если б не величайшая глупость Главнокомандующего...

Спасибо, Родина, за детство трудармейское?

Интересно, кому это в голову пришло установить нижний порог набора в трудармейские лагеря – 15 лет? Неужто ему, мудрейшему из мудрейших, которому, соревнуясь в косноязычной пафосности, средства массовой информации тех лет, помимо прочих других необычайных душевных качеств, всенепременно приписывали необычайную любовь к подрастающему поколению? Неужто он не знал, что условия трудармий непосильны даже для взрослых и здоровых мужиков?

Но мы же не будем забывать, что те, кого он благословил на верную смерть, были потенциальными «диверсантами» и «шпионами». Ведь за что их вместе с семьями выселили

на бескрайные просторы Сибири и Казахстана? Верно, за неблагонадежность, за их преступную причастность к нации, объявленной на официальном государственном уровне вне закона. Так что же их жалеть? Что же распускать слюни по такому пустяковому на фоне всеобщего вселенского горя факту? Если уж мрут советские люди в тылу от голода и непосильного труда, то пусть приоритет будет все же за немцами. Так будет справедливей!

А как же, спросит задетый за живое некий верный «носитель старых идей», – берлинская девочка на руках у советского солдата в мае 1945 года? И великий наш главнокомандующий разве не давал установок вести себя великодушно в отношении мирного населения освобожденных от фашистов немецких городов?

Чего не знаю, того не знаю... В великодушные советских солдат, кровью заплативших за свою преданность гражданскому и армейскому долгу, я верю. А вот в великодушные тех, в чьих руках оказались судьбы немецких подростков в глубоком российском тылу (да что великодушные – обыкновенное человеческое сострадание) – нет. Факты говорят сами за себя.

«В ночь с 3 на 4 сентября 1941 года всем мужчинам от 16 до 60 лет нашего села Карл-Либкнехт Куйбышевского района Запорожской области вручили повестки, – вспоминает Яков Геллер. – Через десять минут нам предписывалось явиться в здание сельской школы. При себе надо было иметь на пять дней продуктов, две пары белья, теплую одежду и обувь.

Потом привезли мужчин из соседних сел, всего набралось человек 200. Утром, когда всходило солнце, построили колонны и в окружении солдат с винтовками повели из села.

Шли пешком 13 дней. 17 сентября прибыли в Харьков и двинулись по его улицам. Когда подошли к большому зданию, огороженному очень высоким забором, начальник конвоя с ехидной улыбкой сказал: «Вот куда я вас привел!» Это была тюрьма «Холодная гора».

Мне в ту пору было 16 лет. Остальные «преступники» были того же возраста или старики, ведь мужчины наших сел сражались на фронтах с фашистами.

После четырех суток пребывания в сталинской «гостинице» с добавлением большого количества таких же немцев, нас направили пешком до станции Валуйки. Неделю находились в конюшнях. Потом нас погрузили в вагоны по 120 человек в «пульман», где можно было только сидеть. Ехали месяц. Кормили один раз в день – булка хлеба на 6-7 человек и по кусочку селедки. Воду давали не всегда.

Когда прибыли на распределительный пункт Ивдельлага и открыли вагоны, люди падали, а многие самостоятельно не могли двигаться.

Убивали в Ивдельлаге изощренно. Например, следующим образом. Ослабленного человека, который не мог работать, а только едва двигался, конвоиры заставляли раздеться догола и сажали на пень, чтобы его ели комары и мошка. К вечеру он опухал до того, что его едва можно было узнать. А к утру умирал. Делали это конвоиры не только для устрашения других, но и для собственного развлечения. Они заключали пари, сколько этот человек проживет».

За что? За что? За что?

Ну, пусть ответит кто-нибудь за что записали в шпионы и диверсанты 15-летнего паренька Роберта Веймера (ему на начало войны было 13 лет), вместе с родителями выселенного с Дона в Казахстан (станция Чу Джамбульской области). Отца отправили в трудармию в конце 1941 года. «Когда мужчин брали, женщин еще не трогали, – вспоминает он, – их забрали за неделю до нас, подростков. Как раз каникулы начались. Я был на станции, когда их забирали... Женщин – в эшелон, они не идут. Вырывают из рук детей. Дети орут, матери на себе волосы рвут, а их прикладами заталкивают в вагоны... Женщин брали в трудармию до 45-ти, если у них не было детей младше 3-х лет. А если 3 года или чуть

постарше, то забирали. Детей, если были родственники, у них оставляли, а если нет – в детдом...».

«Ну, что вы хотите – война..., – вздохнув, скажет несговорчивый скептик, достойный хранитель «самых верных идей», – а сколько русских женщин с детьми погибло на оккупированных территориях?».

И что ему ответить на это? Согласиться, что не надо строго судить тех, кто не мог сдержать благородного гнева в отношении ненавистной нации? Мол, «ярость благородная» вскипела, «как волна»? Мол, даже знаменитый поэт К.Симонов призывал с энергичной ненавистью в пылающих гневом строчках: «Убей немца!». Согласиться, что это справедливо у таких же мирных, в большинстве своем искренне любящих свою страну, свою многострадальную советскую Родину женщин вырывать из рук трехлетних ревуших детей? Согласиться, что это правильно обречь тех детей на верную гибель, ибо все они оставались на попечении либо древних старух, либо девочек-подростков, либо детских домов, какие и так были переполнены сиротами?

«Взяли меня 7-го января 1943 года, а 19 января высадили нас, подростков на станции Макат Гурьевской железной дороги, – продолжает вспоминать Роберт Веймер. – Утром распределили по участкам. Жили в землянках по 150-200 человек. Двухъярусные нары, блохи, вши...».

Молодежь! Конечно, учить ее надо жизни! Как говаривал Суворов? «Тяжело в учении – легко в бою!». Блохи, вши...А вы что, хотели мягкие перины и цветочки у изголовья?

«Блох и вшей горстями гребли. Когда стало солнце припекать, бывало, во время работы снимешь курточку или телогрейку, у кого что есть, расстелишь, и вши вылазят из швов. Соскабливаешь их на лопату совковую и на костерчик – хорошо так трещат!».

Полноте, да неужто же среди их лагерного начальства не было людей с обыкновенными человеческими сердцами? Неужели ж ни у кого из взрослых дядей с погонами НКВД не дрогнуло сердце при виде этих бледных и хилых детей, волею судьбы обреченных на нечеловеческие страдания? Судя по воспоминаниям, не было...

«На нашем участке были, в основном, подростки от 15 до 18 лет. Копали траншеи для прокладки нефтепровода. На других участках работали и 30-40-летние, но очень мало. А так все молодежь и пожилые, старше 50-ти. Мужики обычно были в хозбригадах: портные, сапожники, повара...А мы – на земляных работах. Зима, воды нет...За всю зиму мы ни разу не помылись, забыли, что такое баня. Даже умыться – проблема! Только утром, когда лед растает, умоешься – и все».

Нет, покойна совесть лагерников, убеленных сединой и доживающих отпущенный им век в окружении любящих домочадцев. Гладят они ласково по курчавым головкам своих внучат, и в мыслях не допуская винить себя за исковерканное детство тех, чья судьба была вверена в их по-чекистки чистые руки.

«Рабочий день был 12 часов. Утром в 5 часов подъем. Переключка – выстроит, пересчитают. В 6 переключка закончена, в половине седьмого идешь в столовую за баландой. На работу ходили пешком. Сначала около километра, потом, по мере продвижения трасс, – километра три. Инструмент не разрешали оставлять на объектах, приходилось тащить на себе. Весь инструмент! А это ломик, кайло, две лопаты: штыковая и совковая. Норма была 10 метров траншеи глубиной 180 и шириной 80 сантиметров. Почва тяжелая – спрессованная глина с песком. Да еще зима...А сила-то у нас какая?! Дневную норму делали за неделю.

Давали хлеба 800 грамм и баланду. Утром баланда и вечером баланда. С крупой...А там и крупы-то нет: крупинка за крупинкой гоняется, и все. Одна вода, никаких вторых блюд...Какой там чай, когда воды иной раз не было, чтобы баланду сварить!

Пришла весна, появились суслики. Стали их ловить, жарить. Шкурку снимешь, выпотрошишь на лопату – и на костерчик из колючек. Нажаришь и ешь без хлеба...Потом за

сусликов стали наказывать – чума может быть... Но я в тот раз не попался. Меня наказали за другое. После сусликов пить очень хотелось, а воды-то пригодной нет. Вот и попьют водички то этой, то другой – и дизентерия! Лечить нечем, лекарств нет. Пойло какое-то давали, из трав или из чего-то еще. Поставили палатки, огородили колючей проволокой – короче, загон сделали. На тележку ставили бачки с баландой и закатывали туда, а они, больные, сами разливали... Покормят, тележку крючком вытаскивают, бачки моют, а посуду, которая у каждого своя, ее-то помыть нечем! Там же воды не было нигде. А жара, а мух... И эта грязная посуда... Вот и мерли, как мухи. Туда попадают – день-два ходят в штанах, а потом без штанов – не успевали их снимать. Так, в одной рубашке, уже не стесняюсь... Три-четыре дня, и все – загнулся! Багром зацепят, вытащат, погрузят на повозку и в степь. В степи выкопана яма – траншея широкая. Укладывают туда и песочком присыпают Один ряд, второй, третий. Жара, запах трупный... Два раза я ездил их засыпать и больше не поехал – невозможно, дышать нечем! Отказался, а меня за это в карцер».

И это трудовая армия?! Да еще для подростков?!

Нет, что-то явно не срастается в жалком лепете оправданий сторонников жесткой линии Мудрейшего нашего вождя по поводу «отдельных перегибов на местах». И если перегибы с вырыванием из рук обезумевших от горя матерей их вопящих и заходящихся в истерике малолетних детей действительно можно было бы считать «отдельными», то какими считать массовые случаи целенаправленного уничтожения подростков в лагерях трудармий?

«Карцер – это была яма – 3 на 3 и 2 метра глубиной, соленая вода выше колен... А был еще второй карцер – «душегубка». Это дезинфекционная камера – землянка, обитая железом, там печка топится и трубы кругом. Из хозчасти выносили туда фуфайки и вешали на прожарку от вшей. После этого 2-3 дня чувствуешь себя хорошо, а потом вши опять начинают шевелиться. Ты вроде бы отвык от них уже, а тут снова надо привыкать. Вот мы и говорили: лучше бы их не трогали – мы уже привыкли, что они по нам ползают...

Вот меня после первого карцера за то, что я попросил отобранную за наказание пайку, посадили во второй. Затолкали туда человек 30, заперли и ушли до утра. Стучи не стучи – никто не подходит. Лежать было нельзя, места хватало только присесть. Но главное не это: там нечем было дышать. Под дверями узенькая щелка, так мы по очереди возле нее... Вот так вот приляжешь... Это ж душегубка! Все герметически заделано, железом обито. К утру двое умерли, задохнулись. И еще несколько человек умерли потом...».

Не напоминает ли это нам по описаниям «душегубок» гестаповских? Только там было круче: использовался выхлопной газ работающего автодвигателя. Но так ведь там было все настроено на откровенное умерщвление. А здесь? Здесь – только на порицание провинившихся. Жестоко? Да, жестоко... А что ж вы хотели – условия военного времени.

Условия военного времени. Какие-то магические три слова! Как будто все те извороты человеческой сущности, какие выглядят сейчас оскалом звериной морды, можно понять и простить. Ну, какие условия могли так затмить мозги руководству лагерей, что оно немецких детей-подростков содержало в неволе гораздо хуже, чем тех же немецко-военнопленных?

«У нас была одна мечта: только бы война кончилась – и мы свободны. С матерью (отец к тому времени уже погиб в трудармии) мы списались, что вернемся домой... Не пустили. Застопорили до 1956 года.

В 47-м я работал рядом с военнопленными и часто был за переводчика... Их привезли тогда 700 человек. Бараки хорошие сделаны, жилье огорожено, на территории чистота – они сами даже цветы сажали. Многих потом расконвоировали, они свободно ходили на работу. Работали по 8 часов...

Кормили их тоже неплохо: пайка была 750-850 граммов. Но утром они хлеб получали, а обед им привозили на работу, а после работы был еще ужин. А у нас утром баланда, вечером баланда хлеб – и все!»

Женские батальоны

Но это мужчины. А как же женщины-трудармейцы? Неужто и их так же определили в холодные и голодные зоны? Да, определили. И не было им никакой скидки на то, что они – «слабый» пол, что они, гораздо незащищенной мужчин от голода и физических перегрузок. Работали женщины и на угольных шахтах, и на лесоповалах, и на больших стройках, то есть везде там, где и трудармейцы-мужчины. Мария Гинтер была «призвана» в 1943 году, после того, как у нее умерли два сынишки – четырехлетний и грудной, полугодовалый. Ее увезли в Сибирь с Поволжья вместе со всеми односельчанами в 1941 году. Всем было худо, а ей и того хуже: муж на фронте, а на ее попечении трое детей. И никого родных.

А почему же, спросит кто-нибудь, она не обратилась в военкомат, ведь ее статус «жены фронтовика» что-нибудь да значил? Да нет, вы знаете, уже не значил... Ведь параллельно с указом о выселении немцев формулировался и отчеканивался в строгие формы приказ об отзыве немцев из действующей армии. Так, что, гражданочка, выживайте в ссылке, как хотите, а помощи вам ждать неоткуда...

Вначале умер грудничок: молоко пропало, а полугнилую картошку новорожденный организм переваривать не смог. Потом умер младшенький, а старшенькому Вите исполнилось пять годков. Ну, вот и все! – радостно потерли руки в местном военкомате: кончились причины, по которым была дана женщине отсрочка! И дальше буднично и обычно – повестка, дальняя дорога и трудармейский лагерь в городе Прокопьевске Кемеровской области с трудовой зоной – шахтой на глубине 200 метров.

А о Вите позаботились. Ну как же, совсем-то уж не надо думать худо о тех, кто поставлен был блюсти справедливые законы в отношении сосланных в таежную глухомань немцев. Витю отправили в детский дом. Правда, дом тот был организован для польских детишек-сирот и языки, на котором в нем общались, были русский и польский. Но ведь живого и невредимого вернули сыночка в 1946 году, получившей на то разрешение обезумевшей от трехлетней разлуки мамаше. А то, что немецкий язык позабылся ими начисто, так и зачем он нужен в нашем советском, идущем в счастливое коммунистическое будущее обществе? И на том, как говорится, спасибо великодушным лагерным властям...

А «лесоповальные» трудармейки трудились практически всегда рядом и с мужчинами-трудармейцами, и с «простыми» заключенными.

«Наша зона была перегорожена, – вспоминает оказавшийся на лесоповале в качестве политзаключенного (по безумно любимой НКВДэшниками тех лет 58-й статье) Иоганн Лиссель – по эту сторону были мы, заключенные, по ту – трудармейки-немки.

Был у нас такой Виктор Калинин – самый «крутой». Его боялись, как огня.. Все! Начальство, и то боялось – такая сила у него была! И вот этот Виктор зовет меня: «Иди-ка сюда – komm mal her!». По-немецки. Он когда-то в школе немецкий учил... Узнал, что я немец: «Setz dich! Ты немец?». Я говорю: «Да, немец». Ну, думаю, все, конец мне. «И хорошо ты язык знаешь?». «Знаю...». «Хорошо, будешь учить меня по-немецки разговаривать». Это и была моя работа в течение трех с половиной месяцев. И что же? Он выучился, чтобы ночью ходить к соседкам через вахту более общительным».

Ну, вот и пускай призрачно, но проясняется нам причина соседства женщин-немок с эзковскими лагерями. К заботе о народном хозяйстве, остро нуждающемся в лесопильной продукции, примешивается неожиданно проявившаяся в таком вот виде забота о физиологических потребностях мужского лагерного люда. Ну, кто, как не Отец наш родной, во всем переплетении бытовых проблем лагерей не усмотрит таких подробностей, каких не увидит даже полчище ученых-человековедов. Справедливости ради надо заметить, что

услугами замордованных тяжелым трудом, но сохранившими женскую привлекательность немом пользовались не только заключенные. Более того, случались в тех местах и романтические встречи, в основе которых были возвышенные чувства. Именно в тех условиях познакомился со своей будущей женой Анечкой трудармеец Александр Вазенмиллер (лесоповал Ивдельлага).

Только в 1946 году женщинам-трудармейкам стали давать разрешение на переезд. Но нет! Это отнюдь не было освобождением из неволи. Им разрешали всего-то переезд по месту жительства мужа или родителей. А если учесть, что мужья жили в тех местах, где продолжалась их трудармейская служба, то оказывалось, что женщины просто меняли лагерную прописку. И все же это уже было изрядным послаблением! Пусть все теми же были ужасающие бытовые условия, пусть нечеловечески тяжелыми – условия труда, но ведь воссоединялись семьи, возвращались брошенные на произвол судьбы к своим папам и мамам дети. И это уже был маленький шаг к мирной жизни...

«Птичкин хлеб» спецпереселенцев

Ну а каково было тем, кто остался в местах поселений, не попав по возрасту или состоянию здоровья в крутые, по-чекистски продуманно обустроенные жернова трудовых армий, тем, кто оказался один на один с трудностями, которые взрослых-то и здоровых людей скрутят в бараний рог? Каково было женщинам с грудными детьми на руках, немощным старикам и старухам, детям-подросткам?

Есть упоминание о мытарствах этих бедолаг в книге А. Солженицына «Архипелаг Гулаг»: «Провал жизни узнавали те спецпереселенцы, кого посылали в колхоз. Спорят некоторые теперь (и не вздорно): вообще колхоз легче ли лагеря? Ответим: а если колхоз и лагерь – да соединить вместе? Вот это и было положение спецпереселенца в колхозе. От колхоза то, что пайки нет, – только в посеvную дают семисотку хлеба, и то из зерна полусгнившего, с песком, земляного цвета (должно быть, в амбарах зерно подметали). От лагеря то, что сажают в КПЗ: пожалуется бригадир на своего ссыльного бригадника в правление, а правление звонит в комендатуру, а комендатура сажает. А уж от кого заработки – концов не сведешь: за первый год работы в колхозе получила Мирия Сумберг на трудовень по 20 граммов зерна (птичка Божия при дороге напрыгает больше) и по 15 сталинских копеек. За заработок целого года она купила...алюминиевый таз».

А вот, что вспоминает Мария Зайберт: «Наши семьи были сосланы на юг Казахстана. Мужчин увезли в Сибирь. Женщин и детей не тронули. Мы работали на хлопковых плантациях. Бесплатно. Раз в неделю мы ходили в комендатуру отмечаться».

Евгении Кнауб в те дни, когда жителей их села Нижняя Добринка Добринского района АССР НП переселили в деревню Вензели Тюменской области, а потом, когда в трудармию отправили всех трудоспособных мужчин (в том числе и ее отца), было 18 лет, и она осталась в многодетной семье за кормилицу. Кроме нее, у ее больной и измученной переживаниями о судьбе детей матери без малейших средств существования остались еще три сестренки и два братика (самому младшему Павлику не было и годика, и он вскоре умер). Чтобы избежать отправки в трудармию (тогда бы судьба семьи была предрешена), красавица Женя вышла замуж за нелюбимого – председателя местного колхоза, русского. Она вспоминает: «Мы жили в другой деревне. И когда я украдкой от мужа брала полбулки хлеба и несколько вареных картофелин и несла их своим маме, сестренкам и братишке, они сидели у окна и ждали меня. Сердце кровью обливалось, когда видела, как жадно они набрасывались на мои нехитрые гостинцы...».

У Кати Шнайдер из деревни Волгариха Алтайского края были мобилизованы все: отец, мать и брат. Из таких же подростков, как она, образовалась группа, которая жила вместе в землянке. В 13 лет Катя работала в колхозе. Однажды утром она задержалась дома (то есть в своей землянке). Пришел бригадир (здоровый и рослый, правда, безрукий – бывший фронтовик), стал бить и пинать ее. Она пожаловалась председателю, но тот сказал, что «сама виновата».

А Ваня Майер из Парфеновского района того же Алтайского края остался со сверстниками из трех семей. В 13 лет он, как самый старший, оказался еще и кормильцем для них. Он содержал хозяйство и работал в колхозе. У Вани все шло хорошо до тех пор, пока однажды бригадир, инвалид войны, желая, видимо, выместить зло на немцев, не попытался притоптать его лошадью, на которой сидел верхом. Председатель сельсовета попытался уладить конфликт, но так до конца и не смог успокоить «обиженного на немцев» бригадира.

Это в колхозах. А на производственных предприятиях? Читаем дальше у А. Солженицына: «Вот понадобилось срочно грузить зерно на баржу, – и спецпереселенцы бесплатно и безнаградно работают 36 часов подряд (река Чулым). За эти полтора суток – два перерыва на еду по 320 минут и один раз отдых 3 часа. «Не будете – сошлем дальше на север!». Упал старик под мешком, – комсомольцы-надсмотрщики пинают его ногами.

Отметка – еженедельно. До комендатуры – несколько километров? Старухе – 80 лет? Берите лошадь и привозите! – При каждой отметке каждому напоминает: побег – 20 лет каторжных работ».

Или вот что вспоминает Иван Арнст: «Работал я на Самаркандском суперфосфатном заводе. На каждого работающего в день выдавали 300 граммов муки. Те, кто не работал, в том числе и дети, ничего не получали. Умерших хоронили в братских могилах».

Послевоенные будни спецкомендатур

...Отгремели залпы Великой Победы. Вернулись с фронтов Великой войны воины-освободители. Страна-победитель принялась восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство. А что же делать с выселенными немцами Поволжья? Может быть, списав все «кровавые перекосы» на издержки военного времени, милостиво разрешить им вернуться в родные края? Тем более, что своим трудовым энтузиазмом, проявленным в нечеловеческих условиях «сталинских строек века», они этого вполне заслужили. Ан нет. Руководство страны на этот счет молчит (а как прикажете восполнить массовый исход рабочей силы с только начавших работать в полную силу предприятий горнодобывающей и металлургической отраслей Урала и Сибири?). Зато Совет Народных Комиссаров СССР, подсутившись, рождает постановление, по сути закрепляющее за немцами Поволжья статус изгоев.

В документе (№ 35 от 08.01.1945 «О правовом положении спецпереселенцев»), подписанном В. Молотовым об этом сказано так:

«...2. Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом.

В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД (а как иначе? Ведь обвинения в якобы вынашиваемых преступных намерениях так и не сняты. Примечание автора) организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях.

За нарушение трудовой дисциплин спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами.

3. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой.

Самовольная отлучка за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой, рассматривается, как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке.

4. Спецпереселенцы – главы семей или лица, их замещающие, обязаны в 3-х дневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т.п.).

За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергаются административному взысканию в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток».

Ну, ладно – запретили немцам покидать места проживания, но зачем же им была вменена комендатура? Да еще тогда, когда уже давно прошла острота военного времени? Дело ведь доходило до курьезов. Жительница Краснотурьинска К. Кнауб вышла замуж за молодого трудармейца Ф. Кремера, проживающего в то время в Волчанске, где и решено было провести свадьбу. На второй день гулянья молодые вдруг удумали (пока гости спят, утомленные шумным застольем) съездить за вещами невесты. А отметить в комендатуре (ну разве им, молодым, было до этого?) не удосужились... Вот тут-то и попали они под недремлющее око НКВД. Как там сказано в законе? За нарушение – арест! Будьте добры, господа молодожены, – с брачного ложа да за решеточку... Так и видится упитанный, краснощекий комендант, терпеливо разъясняющий сникшим жениху и невесте всю гнусную суть их необдуманного проступка. А в это время свадьба недоумевала: куда же запропастились брачующиеся? Поехали искать... Хорошо, что среди родственников оказался хороший знакомый того коменданта...

Или другой случай. Вызвали в Краснотурьинске одного немца в комендатуру и сразу в лоб: ты, мол, как, такой сякой, умудрился купить козу в Карпинске, не оформив пропуск на отлучку за пределы комендатуры? А тот, хитро прищурился, отвечает: «Я ваши пределы не покидал. Мне подвели козу с Карпинской территории и бросили через границу веревочку. Выходит, пределы покинула коза, а на нее закон не распространяется».

...Но Верховная власть, обнаружив, видимо, нелегитимность постановления Совнаркома СССР в отношении российских немцев, спустя три года решила придать своему решению, касающемуся судьбы репрессированных народов определенность (стыдливо пометив при этом документ пометкой «Без публикации») и твердо постановила своим Указом (№133/12 от 26.11.1948):

«В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.

Дела в отношении побегов выселенцев рассматриваются в Особом Совецании при Министерстве внутренних дел СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, как способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения

выселенцам на возврат их в места их прежнего жительства, и лиц, оказывающих им помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, привлекать к уголовной ответственности. Определить меру наказания за эти преступления – лишение свободы на срок 5 лет».

А спецкомендатуры даром свой хлеб не ели. Немцам в те годы нельзя было и думать о техникумах или институтах. Ни в коем случае нельзя было их выдвигать (за этим зорко следили еще и партийные органы) на мало-мальски руководящую работу. Лишь в 1955 году наступило для них некоторое послабление. Спецпереселенцев начали снимать с учета, они стали наконец-таки (подумать только!) освобождаться из-под административного надзора. Это через десять лет, после Великой Победы!? Это значит, что все это время им никак не могли простить их принадлежности к нации врага? Ну, рука не поднималась отменить надуманные репрессии. Или просто внимания не хватало в грандиозных буднях послевоенных дел на такого рода сентиментальные мелочи...

Но если в 1957 году вместе с реабилитацией репрессированных в военные годы калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев была восстановлена их автономия, то немцев, как, впрочем, крымских татар и турок-месхетинцев, этого лишили.

Русские немцы или немецкие русские?

Понадобилось долгих 23 года, чтобы в пресловутый Указ 1941 года внести давно напрашивающиеся изменения. Указ Президиума Верховного Совета СССР, который так и назывался: «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» №2820 от 29 августа 1964 года, стыдливо опубликованный несколько месяцев спустя лишь в «Ведомостях Верховного Совета СССР» был неожиданно для такого серьезного документа «цветист» и многословен: «В Указе Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немцев – советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательны и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве.

Благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского государства немецкое население за истекшие годы прочно укоренилось на новых местах жительства и пользуется всеми правами граждан СССР. Советские граждане немецкой национальности добросовестно трудятся на предприятиях, в совхозах, колхозах и учреждениях, активно участвуют в общественной и политической жизни. Многие из них являются депутатами Верховных и местных Советов депутатов трудящихся РСФСР, Украинской, Казахской, Узбекской, Киргизской и других союзных республик, находятся на руководящих должностях в промышленности и сельском хозяйстве, в советском и партийном аппарате. Тысячи советских граждан – немцев за успехи в труде награждены орденами и медалями СССР, имеют почетные звания союзных республик. В районах ряда областей, краев и республик с немецким населением имеются средние и начальные школы, где преподавание ведется на немецком языке и организовано изучение немецкого языка для детей школьного возраста, ведутся регулярно радиопередачи и издаются газеты на немецком языке, проводятся другие культурные мероприятия для немецкого населения».

И, казалось бы, логичным завершением такой красивой преамбулы в постановляющей части должна была восторжествовать справедливость: вместе с реабилитацией немцев – восстановление в правах немецкой республики. Однако постановление этого Указа было половинчатым:

«1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (Протокол заседания Президиума Верховного Совета СССР, 1941 год, №9, ст.256) в части, содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, отменить.

2. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краев и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов».

А может быть в том, что немецкая автономия была не восстановлена, виноваты...сами немцы? Во всяком случае, к такому неожиданному выводу можно прийти, читая у А. Солженицына в его «Архипелаге Гулаг» такие мысли о немецких законопослушии, добропорядочности и привычке к долготерпению: «Впереслойку расселенные, друг другу хорошо видимые, выявляли нации свои черты, образ жизни, вкусы, склонности.

Среди всех отменно трудолюбивы были немцы. Всех бесповоротнее они отрубили свою прошлую жизнь (да и что за родина у них была на Волге или на Маньчже?). Как когда-то в щедронные екатерининские наделы, так теперь вросли они в бесплодные суровые сталинские, отдались новой ссыльной земле как своей окончательной. Они стали устраиваться не до первой амнистии, не до первой царской милости, а – навсегда. Сосланные в 41-м году наголе, но рачительные и неутомимые, они не упали духом, а принялись и здесь так же методично, разумно трудиться. Где на земле такая пустыня, которую немцы не могли бы превратить в цветущий край? Не зря говорили в прежней России: немец что верба, куда ни ткни, тут и принялся. На шахтах ли, в МТС, в совхозах не могли начальники нахвалиться немцами – лучших работников у них не было. К 50-м годам у немцев были – среди остальных ссыльных, а часто и местных – самые прочные, просторные и чистые дома; самые крупные свиньи; самые молочные коровы. А дочери их росли завидными невестами не только по достатку родителей, но – среди распушенности прилагерного мира – по чистоте и строгости нравов».

Но и вербе не всякая почва годится, чтобы она развивалась привольно. А уж человеку с его душой и национальным самосознанием? Сегодня случилось то, что и должно было случиться: умирает душа российских немцев – их язык, угасают последние остатки культуры, исчезают добрые, испытанные веками нравы и обычаи. И с кого спросить: почему на протяжении всех послевоенных лет советские немцы были лишены права иметь хотя бы одну на всю страну национальную школу? В местных СМИ иногда мелькают сообщения об открытии «национальных школ». Но это, что называется – пыль в глаза. Какие национальные школы? Есть группы по изучению немецкого языка. Но никак не школы. Национальные немецкие школы, в которых большинство предметов преподавалось на родном языке, были ликвидированы 1 сентября 1941 года. И как сегодня преподается немецкий язык? Школьные программы примитивны, а углубленное изучение языка доверено учителям, как правило, не владеющим немецким языком как родным.

Так стоит ли удивляться тому, что сегодняшние российские немцы юного возраста уже совсем не знают своих родовых корней и отличаются от сверстников, с которыми живут

и дружат только фамилиями (а то и вовсе, если учесть, что девушки при замужестве фамилии меняют, – ничем).

Можно много спорить и приводить при этом умные доводы по поводу сохранения самобытных укладов лишь на уровне национальных семей (как это происходит, например, в США или во многих странах Европы). Но ведь там существуют государственные программы по поддержке национальных меньшинств, выделяются огромные бюджетные средства на сохранение их культуры, языка, самобытных традиций. Там существуют целые кварталы, улицы и даже населенные пункты, где в миниатюре представлены субъекты самых разных национальностей, не испытывающих никаких неудобств со стороны представителей титульной нации.

А что у нас? Почему, как только открылись границы, российские немцы массово поехали в Германию? Только ли за «красивой» и сытой жизнью, которой всегда нам казался западный быт? Вот что сказал журналисту в аэропорту по этому поводу один из них: «Меня зовут Роланд Шу. Я с семьей уже много лет живу в Челябинске. Для меня и для многих других материальный достаток – не главное. У меня здесь в России и машина, и гараж, и садовый участок. Неплохой заработок электрика высшего разряда. Но мы теряем язык. Я вот знаю лишь несколько обиходных немецких фраз, да и то в них немецкие слова вперемежку с русскими. После всех обид, которые были нанесены советским немцам, есть чувство неполноценности. Так пусть хоть дети не испытывают этого».

Происходит необратимый общественный процесс, который ученые обозначили красивым словом «ассимиляция». То есть постепенное и безвозвратное растворение живущих по соседству одних наций в других. Никакие домодедовские законы и уставы не могут удержать молодое поколение, вольное в решениях, связанных с выбором судьбы, от смешанных браков. Но если во всем мире этот процесс происходил и происходит естественным путем, то почему в отношении российских немцев он вынужденно подталкивается политикой верховной власти страны? Никому в голову не придет удерживать молодежь от смешанных браков, скажем, в том же поволжском Татарстане. Но пусть попробует кто-нибудь заикнуться о лишении татар автономии. Да в первую очередь нетатары грудью встанут на защиту установившегося паритета мусульманской и православной культур, позволившего в республике сложиться здоровым и трудолюбивым жизненным укладам.

Есть в мире ценности, которые человечество бессознательно оберегает от скверны нравов, неизбежно привносимой в нашу жизнь развитием цивилизации. Это почитание родословных корней, это свобода волеизъявления личности, это целомудрие и умение сострадать, это святое отношение к институту семьи. Человечество уже в самом начале своего самоосознания интуитивно пришло к мысли, что без нравственных ориентиров оно не способно выжить; что в мире, где главенствуют природные инстинкты, сообразующиеся лишь с принципами целесообразности, неизбежные общественные конфликты в конечном итоге приведут к деградации и полному самоуничтожению. Недаром же истоки всех религиозных конфессий отыскиваются учеными-богословами в далеких тысячелетиях, и все эти конфессии неизменно современны и будоражат мысли своей мудрой и четко выверенной логикой.

Вот и стремление народов сохранить свои самобытные уклады и культуру – это показатель его нравственного здоровья. И если вынуть даже единый кирпичик из монолитной кладки вековых моральных устоев, то по стене сначала пойдут маленькие трещинки, а потом возникнут большие.

«Казахский» след немецкого вопроса

Мысли о восстановлении поправных «вождем всех народов» конституционных прав на суверенное национальное развитие возникали в головах уцелевшей немецкой интеллигенции на протяжении всех послевоенных лет. Однако в годы культа личности, а затем в период глубокой политической депрессии любые проявления немецких активистов, связанные с требованиями о восстановлении Автономной республики, в корне пресекались.

Первая официальная делегация российских немцев, решившаяся на открытое заявление своих конституционных прав, прибыла в Москву в январе 1965 года, то есть после появления Указа от 29 августа 1964 года, реабилитировавшего российских немцев. Она состояла из 13 человек. Руководил делегацией Шесслер Фридрих Георгиевич, член КПСС с 1939 года. В состав делегации входили люди, имевшие в обществе заслуженный авторитет: коммунисты и комсомольцы. Надо сегодня понять, чего стоило этим людям публично заявить тему, которая уже давно и надежно была закрыта в тайниках партийных архивов. В условиях глухого и беспардонного подавления всех и всяческих росточков свободы эти люди рисковали не только потерей работы, карьеры, авторитета. Они ставили на карту самое важное, что имели – свои жизни и судьбы своих близких. И можно только представить, с какими чувствами ехали они в неизвестность, в окутанные мрачной славой помпезные дворцовые стены верховной коммунистической власти.

Делегация обратилась вначале с письмом в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояна. В нем излагались причины обращения и обосновывалась необходимость восстановления АССР НП. Отдельным документом к письму прилагалась справка по истории российских и советских немцев.

Можно представить себе, какой эффект произвело это письмо на тогда еще не старого, но уже замшелого в своих политических убеждениях, не склонного к гибкому мышлению генсека. Наверняка были лихорадочные прощупывания почвы по поводу скрытых заговоров, поиски «антисоветских проявлений», спешные консультации с учеными авторитетами в области общественного права. И что же? Во избежание международной огласки было царской милостью все же решено ходатаев принять и выслушать.

12 января 1965 года группу из 9 делегатов принял А.И. Микоян. Этот хитрый «лис», непотопляемый при любом хозяине главного кремлевского кабинета, очень вежливо выслушал сбивчивую эмоциональную речь руководителя делегации. Его глаза излучали доброжелательность и сочувствие. Он по бумажке тихим и вкрадчивым голосом прочитал заранее заготовленный бойкими референтами долгий и обставленный нудными, незапоминающимися фразами ответ, конец которого был таким: «Руководство партии и правительства признает постановку вопроса советских немцев о восстановлении своей автономии естественной и обоснованной. Однако восстановление АССР НП не представляется возможным, так как ее бывшая территория заселена».

Не правда ли – железная логика? А перерасселить – что же у самой справедливой в мире власти так уж и не было никаких возможностей? А попробовать обсудить с активистами от российских немцев предоставление под автономию незаселенных территорий? А пообщаться на эту тему, как с заинтересованной (а вобщем-то в какой-то степени косвенно виновной в переселении немцев) страной – с Германией? Но зачем? Во-первых, уж очень хлопотливым и требующим немалых затрат и сил, и здоровья, и денег выглядело это не сулящее каких-либо выдающихся политических дивидендов предприятие. А во вторых, а ну как вслед за немцами поднимутся попавшие в аналогичное положение с автономией хотя и малочисленные крымские татары и турки-месхетинцы?

К лету 1965 года члены первой делегации и их единомышленники на местах подготовили отправку в Москву второй делегации. На этот раз представительство было помногочисленней – 43 человека. Осмелев от довольно спокойной реакции властей, к

делегации примкнули известные и авторитетные в стране люди, которые ранее не решались открыто высказать свои политические взгляды. Костяк ее составили, кроме Ф.Г. Шесслера из Абакана, Доминик Иосифович Гольман из города Камышин, кавалер ордена дружбы народов, известный писатель; Адольф Яковлевич Берш, участник Великой Отечественной войны, педагог и пропагандист из города Палласовка; Иван Иванович Кроневальд, ученый-философ из Нижнего Тагила; Гуго Густавович Вормсбехер, член Союза писателей СССР.

Делегация привезла с собой около пяти тысяч подписей в поддержку своего обращения к руководству страны. На этот раз она уже более настойчиво принялась добиваться встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Но шел день за днем, а чиновники референтского уровня все кормили ходатаев «завтраками». Лишь на 35-й день (видимо, не выдержав измора) немецкую депутацию снизошел-таки принять все тот же невозмутимо-непробиваемый Микоян.

Прием длился почти два часа. Анастас Иванович с присущей ему выдержкой мужественно выслушал выступления девяти членов немецкой депутации, которые с цифрами и юридическими выкладками на руках доказывали несостоятельность прежнего отказа, мотивированного занятостью бывших территорий автономии. Он вежливо поблагодарил присутствующих за их безусловно интересные сообщения, а по бумажке зачитал давно уже загодя подготовленный отказ с еще более, чем в прошлый раз «юмористическим» смыслом: «...восстановление республики все же невозможно, поскольку это повлекло бы за собой отъезд из целинного края Казахстана полумиллиона немцев. Вести же без них там сельское хозяйство не реально».

Вот это уже был высший пилотаж политической демагогии, в которой, без сомнения, тогдашние кремлевские руководители изрядно преуспели. Выходит, сами немцы виноваты были в том, что стали опорой казахского сельского хозяйства? Вели бы себя, как скажем, чечены, ингуши или калмыки, так сама бы власть позаботилась о требуемой республике. А если серьезно, то какое собственно дело российским немцам до проблем пускай и дружественного казахского народа? А чем хуже российский народ, с которым они дружно жили до выселения и который тоже был бы не прочь получить надежного помощника в решении своих уже изрядно скопившихся сельскохозяйственных проблем?

После отъезда из Москвы второй делегации в кремлевских кабинетах началась мышиная возня: кто допустил? почему недоглядели? как затормозить набирающие обороты недопустимые для «самого правильного общества» сепаратные процессы? Были даны команды на места, и процесс понемногу начал затухать. Бывшего руководителя двух делегаций пенсионера Шесслера посадили под домашний арест, кое-кого вынудили отправиться за рубеж, а самых несговорчивых упекли в (нет, в те времена уже политических лагерей не было! А как же? Свобода слова, равноправие, демократия и прочие общественные ценности – все, как у людей!) небезызвестные психушки. Почему психушки? А как прикажете расценивать людей, которые упорно не принимают авторитетного мнения верховных властителей страны по поводу немецкой автономии? Все нормальные люди понимают, что Казахстану без немцев «кирдык», а они нет...

Но что-то... что-то сдвинулось в сознании стареющих властолюбивых, начинающих прищамкивать при разговорах, руководящих мужей. То ли сводки гебистские достали, то ли в демократию захотелось на виду у всего мирового сообщества поиграть... но в 1976 году Политбюро ЦК КПСС на одном из своих заседаний вдруг приняло историческое постановление «О восстановлении автономии советских немцев», которое в прессе было подано, как «восстановление исторической справедливости». Как оно появилось? С какой стати? Почему только в форме декларации? Шквал вопросов обрушился на средства массовой информации, опубликовавшие постановление. Но отвечать было нечего и некому. Оно, это постановление, никак властями не комментировалось, а потом было тихо упрятано подальше, в пыльные тайники до сих пор нераскрываемых для нас партийных архивов. Но

ведь оно было, его можно было открыто прочесть, так почему никто не бросился его выполнять? И почему среди других постановлений, которые тут же ставились на жесткий контроль, это проскочило тихо, скромно и неприкаянно?

Процесс пошел...

Ну да бог с ним, с тем постановлением, нечаянно выпорхнувшим из затхлых кабинетов с засыпающими на ходу постояльцами. Новые времена шли на смену старым. Новые лидеры страны заявили во всеуслышанье о том, что «так дальше жить нельзя!». Новые волнующие воображение слова замелькали на страницах печати: «Ускорение, гласность, перестройка». Даже социализм теперь должен был стать «с человеческим лицом» (а с каким лицом он был до этого?). Реформаторский зуд был настолько силен, что никто толком не знал с чего же все-таки надо начинать. Вот и разразились дерзкие и умопомрачительные по красоте полета мысли публичные дебаты на съездах ли Советов, на страницах СМИ, на любой маломальской трибуне, приводившие в восторг благодарных слушателей. И было ли в такое время место для разговоров о немецкой автономии? До них ли было общественности, когда устои самого российского общества трещали и ломались по швам? Но именно в то время вдруг вопрос об автономии всплыл на страницах одной бойкой кемеровской областной газетенки «Кузбасс» в материалах писателя Рудина, который попытался оправдать решение Сталина по депортации советских немцев в 1941 году. Эта тема была подхвачена еще рядом газет и связывалась с начавшимся в связи с открытием «железного занавеса» массового выезда немцев в Германию. Ну как же – все ясно! Вот оно предвидимое Сталиным предательство! Раз едут за рубеж, значит, изначально зов крови был сильнее всяких там уверений в патриотизме. А раз так, то никакой им автономии, а пусть катятся в свою «альмаматер».

В апреле 1988 года немецкие активисты снова направили в Москву инициативную группу из 14 человек. Это была уже третья по счету делегация с ходатайством об автономии, но первая – к новому Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву. И на этот раз градус ожиданий был как никогда высок: уж очень красиво говорил энергичный и реформаторски настроенный генсек о новых межнациональных отношениях. Он вообще обо всем говорил красиво, явно наслаждаясь благодарной реакцией своих слушателей. Но никто же тогда не знал, что на решительные поступки он так же был не готов, как и его трясущиеся предшественники.

Участники делегации были приняты в подотделе межнациональных отношений государственно-правового отдела ЦК КПСС (а где ж их еще принимать? Пусть спасибо скажут, что вообще пустили на порог высоких апартаментов), где их внимательно выслушали (наверное, еще и чаем напоили?) и отправили домой, твердо пообещав передать их обращение в самые верхние инстанции.

Напрасно прождав обещанного ответа (наивная депутация верила, что их письмо тут же отправилось по нужному адресу), в августе этого же года, то есть через четыре месяца в те же инстанции поехала уже более представительная делегация. На этот раз в нее вошли 56 человек, в числе которых были 11 кандидатов наук, писатели, художники, музыканты, уважаемые рабочие и труженики села. Такое представительство уже трудно было проигнорировать. Им было оказано должное внимание, предоставлено место и время для выработки конкретных предложений по автономии. Делегаты образовали координационный центр «по содействию правительству СССР в восстановлении АССР НП», в который вошли 39 человек. А через месяц, приурочив свой приезд к сессии Верховного Совета СССР и внеочередному Пленуму ЦК КПСС, в столицу прибыла пятая по счету делегация, состоящая

из 105 человек. Проработав три дня, она в полном составе посетила приемные ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета, где передала обращения по решению своего национального вопроса.

Эта делегация сумела-таки обратить на себя внимание. Была дана отмашка средствам массовой информации на публикацию материалов о российских немцах и их национальных проблемах. Стал предоставляться эфир телерадиовещательных программ для активистов координационного центра. Именно с этого момента в стране официально начало работать Всесоюзное общественно-политическое и культурно-просветительское объединение – общество советских немцев «Возрождение».

И казалось бы, вот он долгожданный прорыв! Программа «Возрождения», четко и конкретно изложив свои цели и методы решения поставленных задач, ждала только официального ее признания властями.

А власти не спешили с ответом. Они, как и в годы застоя, начали уводить предложения общества в плоскость долговременных планов, намеренно так изворачиваясь вокруг них, что, все реальные попытки в деле восстановления автономии неизменно наткнулись на инерцию существующего законодательства.

В самом обществе поначалу тоже не сразу определились: так где же просить автономию? Вначале всем было однозначно очевидно: конечно, на Волге! Ведь большинство немцев было выселено именно оттуда. Да и с точки зрения правовых аспектов реабилитации это место и есть единственное, где автономия могла быть восстановлена. Но готовы ли все немцы на то, чтобы бросив обустроенные места новых компактных мест проживания, ехать в необжитые районы, чтобы снова начинать с нуля? А если просить правительство, в расчете на то, что оно все-таки озабочено решением вопроса российских немцев, предоставить другое место, то какое? Калининградская область? Алтайский край? Сибирь? Урал? Осознавая угрозу раскола, актив общества все же пришел к непростому решению: только Поволжье!

Но как быть с населением, которое проживает на территории бывшей АССР НП? И общество «Возрождение» публично выступает с обращением к ним с глубокими, идущими от сердца словами: «...В тяжелые для всего советского народа годы войны дома немцев Поволжья со всей их обстановкой, имуществом, скотом и запасом продовольствия стали убежищем для тысяч и тысяч людей Белоруссии, Украины, европейских областей России. Дома эти стали для многих их, сегодняшних хозяев, родными.

Немцы Поволжья вместе с другими советскими немцами, прошли за годы войны неимоверно трудный путь. Все взрослое население было в годы войны направлено в трудармию, на лесоповал, в шахты, где находилось за колючей проволокой, под конвоем, в условиях физических и моральных унижений, заплатив, как и все советские люди, тысячи и тысячи жизней сталинскому режиму...

Отсутствие в течение почти полувека государственности, национальных школ, национальной жизни, дискриминация во всех сферах жизни, разбросанное проживание по всей территории огромной страны привели к тому, что советские немцы в значительной мере утратили родной язык, свою национальную культуру, потеряли надежду на восстановление их равноправия с другими советскими народами, восстановление их государственности.

Однако большинство советских немцев по-прежнему твердо верят в то, что справедливость по отношению к ним восторжествует. Эту веру значительно укрепил процесс перестройки, начавшийся в нашей стране.

...Получив новую надежду, советские немцы, как и не раз до этого, вновь поставили вопрос о восстановлении их государственности – их автономной республики на Волге. В этом своем стремлении советские немцы встречают широкое понимание и поддержку у всех советских народов. Вместе с тем им приходится иногда слышать, что если восстановить немецкую автономию на Волге, то как же быть с людьми, которые сегодня там живут? Что

их выселять оттуда? А если не выселять, то не будет ли у них конфликтов на национальной почве после возвращения туда советских немцев?

Для нас эти вопросы и опасения звучат по меньшей мере несерьезно, ибо и раньше в автономной республике проживала одна треть ненемецкого населения: русские, украинцы, казахи, калмыки, татары и т.д. И все жили дружно, никаких конфликтов не было.

...Мы протягиваем руку искренней дружбы всем людям, проживающим сегодня на территории бывшей АССР немцев Поволжья. Мы заверяем их в том, что, как и двести лет назад, мы хотим жить с ними в мире, дружбе и согласии.

...Мы заявляем, что пережив вместе со всем советским народом трагедию войны с ее неисчислимыми жертвами и потерями, считаем невозможным для себя требовать возвращения нам наших домов и имущества, незаконно конфискованных в 1941 году при незаконном выселении, ибо не советский народ виноват в этом и тем более не те люди, которые живут в наших домах. Пусть наши дома, в которых родились мы и которые стали приютом для вас, будут для вас такими же родными, какими были для нас.

Мы заявляем, что не претендуем на город Энгельс – бывшую столицу нашей республики. Пусть он остается таким, как сложился – современным русским городом.

Мы считаем, что большинство сегодняшних крупных населенных пунктов на территории бывшей АССР НП должны по возможности получить свою автономию в будущей республике с тем, чтобы не нарушать уклад, чтобы сохранить полную возможность беспрепятственного обучения на родном языке в школах, обеспечить и на будущее свободное развитие в них национальной культуры.

Мы полагаем, что наиболее приемлемым для всех будет создание для прибывающих советских немцев новых населенных пунктов. Мы убеждены в том, что сможем вместе с вами доказать, что у советских людей нет оснований для межнациональных споров.

...Пусть же будущая наша совместная с вами автономная республика возродится и станет лучше и богаче прежней».

Возникать стала тема автономии и на двухсторонних российско-германских встречах «в верхах». Но до журналистов долетали только обрывки разговоров. Да и как эта тема могла всерьез обсуждаться, если ни та, ни другая сторона не имела по ней сложившегося мнения. Скажем, для Германии что было предпочтительней: принимать обрушившуюся на них волну российской иммиграции или принять посильное участие в обустройстве автономии на Волге? Расчетливые немецкие экономисты подсчитали, что если Германия примет в течение 10 лет 2 миллиона человек из России, то это приведет к значительному оживлению экономики; дополнительный доход составит более 80 млрд. марок, и средний возраст населения уменьшится. А российская сторона была против массового оттока немцев, но в то же время тянула с решением по автономии. Вот и становились разговоры беспредметными, а потому – ни к чему не обязывающими.

«Главное – это начать!», – делая почему-то в глаголе ударение на первом слого, любил говорить последний генсек, открывший реформаторский «ящик Пандоры», М.С. Горбачев. Он и начинал, то, что ему подсказывали «прозападно» настроенные советчики, любясь своим словоблудием и умудряясь делать то, чего категорически нельзя было делать. В конечном итоге он потерял власть, потерял Советский Союз, подрастерял имидж целеустремленного реформатора, и, как ошипанный петух, поехал кукарекать перед тем, как окончательно кануть в безвестность куда-то на безлюдные задворки Америки.

А первый президент России (тот, который для утверждения себя, как настоящего лидера нации, тоже залезал на броневик) в отношении немецкой автономии вообще повел себя неадекватно. Он вначале внятно и членораздельно заявил в камеру телевизионщиков, что «автономия непременно будет», а потом, спустя всего несколько дней, прокричал в толпу, рисуясь опять же перед телекамерами: «Не будет им никакой автономии!».

Между тем на Волге начали разгораться страсти. Как только разговоры о восстановлении немецкой автономии перешли в плоскость практических решений, оплывшая жирком партийно-хозяйственная номенклатура на местах нервно зашевелилась, справедливо опасаясь нежелательных перемен. В тихих и заспанных глубинках вдруг (в кои-то веки!) загоношились с транспарантами в руках митингующие, пошли по домам активные старушки, собирая подписи протеста против автономии. А в местных газетах, контролируемых еще партийными органами, стали появляться знаковые заметки (определяющие позицию «верхов» относительно проблемных вопросов текущего дня), подписанные, как правило «ветеранами войны и труда». Вот две цитаты из письма инвалида войны А Кочегарова, опубликованного в газете г. Маркса «Знамя коммунизма» (уже на коммунизме крест поставили, а название-то – времени не хватило сменить – оставили) под тенденциозным заголовком «Будем жить дружно без автономии»: «Вас сорвали с мест – и правых, и виновных». Это инвалид войны, обращаясь к российским немцам, о их депортации в августе 1941 года. Как будто и не было публичного извинения властей о грубейшем попрании сталинским режимом конституционных прав ни в чем неповинного народа. Как будто бы невиновность немцев не была уже тысячекратно доказана самой жизнью. И дальше он продолжает: «Я уважаю, немецкий народ и никаких претензий за обиды, нанесенные мне немецкой нацией не предъявляю...». Ну, а вот этот абсурд как понимать? Ну ладно, пожилой ветеран не понимает разницы между воевавшими с нашей страной фашистами и теми выходцами из Европы, которых мы называем российскими немцами. А те журналисты, что допустили статью до публикации, неужели не могли разглядеть в ней чудовищной подмены понятий, чудовищного обвинения в чужих злодеяниях? Конечно, видели. Конечно, знали. Но что могли сделать винтики большого инерционного механизма, который еще много лет будет двигаться туда, куда тянет привыкшая к устоявшейся незамысловатой траектории масса идеологического маховика? Что можно было противопоставить толпе манифестантов, которую наблюдал журналист из газеты «Нойес лебен» Э. Шмидт в дни работы Второго съезда народных депутатов (1989г.) у московской гостиницы «Россия»? Толпе из несколько десятков человек, которую привезли из Саратовской области (разумеется, оплатив все издержки) и возглавили работники местного партаппарата. Толпе «пикетчиков», которые, как выяснилось из разговора, понятия не имели об истории российских немцев и их ликвидированной республики. Ее лидеры заученно твердили о необходимости «доказательств» того, что советские немцы на самом деле не были «шпионами и диверсантами», что они действительно безвинно были брошены за колючую проволоку лагерей трудармии.

Но были письма от жителей Поволжья и другого рода. Вот характерные для них мысли, которые выразил читатель газеты «Нойес лебен» М.Шевченко из Энгельсского района Поволжья: «Считаю, что решается вопрос о немецкой автономии медленно и робко. А все дело в том, что некоторые руководители местных органов, опасаясь потерять свои теплые места, всячески противятся этому. Я и моя семья, нас много тут русских, украинцев, людей других национальностей, желаем скорейшего восстановления немецкой республики в границах 1941 года. Уверен, что от восстановления АССР НП выиграет все население...».

Момент истины

Уж точно, никто бы не проиграл от восстановления АССР НП. У немцев было да и наверняка еще осталось горячее желание жить и трудиться на малой родине. Работоспособности и организованности им не занимать. И нет сомнений, что уже через несколько лет после официального восстановления автономии, бывшей республике была бы

возвращена слава житницы страны, были бы построены новые поселки и города, сельхозпредприятия и учреждения культуры, медицинские и образовательные учреждения, проложены дороги, возрождены промыслы. Ведь немцы – прекрасные хлеборобы, животноводы, механизаторы, строители. А разве не заметили бы появления на карте страны немецкой республики "братья по крови" – предприниматели из Германии, Австрии, Швейцарии, с которыми бы вполне могли быть созданы совместные бизнес-проекты?

Но нет, этого не случилось ни тогда, когда в воздухе реформаторских настроений уже был явно ощущаем дух дарованной справедливости, ни сейчас, когда бороться за автономию стало некому: отчаявшиеся активисты «Возрождения» со своими семьями выехали на историческую родину – в Германию.

По-разному сложились судьбы покинувших мятущуюся Россию немцев. Некоторые благополучно прижились на незнакомой и не очень-то приветливой к обрусевшим иммигрантам по-европейски прагматичной земле. Но большинство из них никак не могут забыть далеких и счастливых мгновений российского безыскусного быта, душевного уюта бескрайних лесов и полей, тихих речных всхлипов и духмяных запахов свежескошенной травы... Не могут забыть духовного единения с тем устоявшимся сводом нравственных привычек, которые принято называть русским менталитетом. Их тянет на родину. Они бросили бы то, что им вежливо предоставили в так и не ставшей им родной Германии, и вернулись бы обратно в Россию... Но не в роли беженцев и не просителями социальных подаваний. А приехавшими домой хозяевами своих выстрадаанных убеждений и традиций.

...А те, кто остался жить в России? Почему они молчат? Почему они успокоились и смирились с тем, что их уклад и национальные традиции потихоньку растворяются в традициях других национальностей. Да потому что уже никто не верит в правовую справедливость властей. Да и других – житейских – проблем с избытком хватает. Немцы и в постреформенной сумасбродной жизни в большинстве своем не потерялись и сумели адаптироваться. Они наравне с другими нациями представлены во всех властных структурах. Встречаются немецкие фамилии и в списках успешных менеджеров, видных врачей, адвокатов, журналистов, писателей. Пенсионеры немецкой национальности – все, кто пострадал в годы репрессии (1941 – 1953 г.г.) получают ощутимую господдержку. Казалось бы – и все... Живите, радуйтесь, творите, держайте. Но неужели ни у кого из нас, россиян, не дрогнет сердце, если мы так и не дадим шанса тем немцам, которые страстно хотят объединения, снова собраться на родной земле? Пусть нету пока посылка снизу, от самого народа. Народ разрознен и не готов пока к организационной работе. Но ведь странная получается ситуация. Сейчас власти готовы к конструктивному диалогу с представителями любой формы общественности, но именно сегодня «Возрождение» прекратило свою работу по возрождению автономии. И было бы не совсем понятно, если бы инициативу по АССР НП начал бы проявлять президент страны или Государственная Дума. Надо четко понимать, что время действий стремительно уходит, и уже через несколько лет тема немецкой автономии будет безвозвратно бесперспективной. Так кто же станет первопроходцем? Кто гордой поступью войдет в историю нового расцвета немецкой республики на Волге? Кому будут обязаны благодарные потомки за обновленную счастливую жизнь?

Вместо послесловия

Вместо послесловия – список переименованных населенных пунктов на территории бывшей Автономной республики немцев Поволжья.

Прежние названия

Новые названия

1. Унтервальденский кантон

Подлесновский район

Шафгаузен
Гларус
Беттингер
Базель
Цюрих
Ейнцельбезит
Витман
Шенхен
Ганг
Гаттуну
Гайерсгартен
Бруннен
Тааль
Тренктейх
Ремлер
Дамм
Унтервальден
Сусанненталь
Шлайнсгартен
Роль-Бруннен
Кинд
Шафгаузен Маинга
№ 2
Неб
Нейе Тенне
Гларусская Маинга
Пииль
Сальпетердам
Трекдох
Ней-Дорф
Базельская Маинга
Цюрихский Окограбен
Реммлер-Бруннер
Бруне-Цуг
Витманский Окограбен
Квельгребен
Штенгельграбен
Витманская Маинга
Кельке
Бокк
Кунц
Финк
Брайтграбен
Брунненграбен
Сайдам

Волково
Георгиевка
Воротаевка
Васильевка
Зоркино
.....
Золотовка
Панино
.....
Ястребово
.....
Михайловка
.....
Подлесное
Сосновка
.....
Октябрьское
Баскатовка
.....
Рязановка
.....
.....
.....
Кирово
Нов. Полеводино
.....
Буденновка
.....
.....
.....
Щербаковка
.....
.....
.....

Даммграбен
Гольцграбен

Фурманово
.....

2. Гнаденфлюрский кантон

Ней-Цюрих
Ремлер-Деве
Штрассенфельд 1-й
Эрленбах
Гнаденфлюр
Мариенбург
Блюменфельд
Моргентау
Мангейм
Кеппенталь
Зихельберг
Брауншвейг
Берталь

Первомайский район

Комсомольское
.....
Сабуровка
Чкалово
Первомайское
Чапаевка
.....
Нестеровка
Малиновка
Богдашино
Серпогорское
.....
.....

3. Федоровский район

Розендамм
Ней-Розендамм

Морцы
Ульяновка

4. Мариентальский кантон

Герцог
Граф
Ленинфельд
Сталинберг
Грабенгейм
Сакко
Эндерс
Мариенталь
Ней-Шульц
Рейнвальд
Дагейм
Розенгейм
Даммштеб
Швед
Октоберберг
Луй
Ней-Боаро
Блюменфельд
Фрезенталь
Лилиенфельд
Ней-Берг
Любенталь
Ней-Обермонжу
Александрерге

Советский район

Суслы
Крутояровка
.....
.....
.....
.....
Советское
Степное
.....
Любимовка
.....
.....
Чкалово
Отроговка
Новобородовка
.....
Ново-Липовка
Белополье
.....
Пионерское
Ново-Кривовка
Александровка

Ней-Урбах
Вейнцельфельд
Гнадендорф
Урбах
Розенфельд
Майдорф
Грюнфельд
Даммгруппе
Нейфельд
Оберфельд

5. Маркштадский кантон

Брокгаузер
Гоккенберг
Обермонжу
г. Маркштадт
Борегардт
Паульское
Боаро
Фишер
Кано
Бруннен
Филиппофельд
Беккердорф
Квель
Биркенгейм
Биркенграбен
Ней-Ланд
Альте-Бруннен
Оксенграбен
Зондтейх
Рооталь
Штандт
Ней-Бруннен
Кельке
Сузель
Киппель
Демхен
Миллерсдорф
Фронценгейм

6. Красноярский район

Бруннен
Розенгейм
Эндерс
Нидермонжу
Швед
Шталь

Ново-Антоновка
Пшеничное
Благодатное
Пушкино
Розовка
Лебедево
.....
.....
.....
.....

Марксовский район

Буерак
Александровка
Кривовка
г. Маркс
Приволжское
Павловка
Бородаевка
Красная Поляна
Андреевка
.....
Филипповка
Березовка
.....
.....
.....
Комсомольское
Пугачевка
.....
.....
Кировское
Водопьяново
Фрунзовка
Новосельское
Ровнополье
Чкаловка
Калининское
Новый путь
.....
Подстепное
Усть-Караман
Бобровка
Ленинское
Звонаревка

Пфафенинзель
Рейнвальд
Шульц
Альт-Урбах
Рейнгардт
Шефер
Роледер
Ленинталь

7. Лизандергейский кантон

Ней-Лауб
Мангейм
Шталь
Ней-Бангердт
Куккусский
Фриденгейм
Меденталь
Остенфельд
Питерсгейм
Лизандергей
Гогендорф
Вахт
Каппенталь
Арбейтфельд
Ней-Штрауб
Тарлыкофельд
Линденау
Фрезенгейм

8. Краснокутский район

Шенталь
Шенфельд
Розенталь
Шендорф
Гоффенталь
Ней-Дорф
Бауер
Нидерланд
Ней-Шенфельд
Ней-Шенталь
Шиллинг
Штрассендорф
Екатериненталь
Ней-Брунненталь
Лангельфельд
Гуссенбах
Розенфельд
Солом

.....
Старицкое
Луговское
Фурмановка
Осиповка
Липовка
Раскатовка
Дальний

Безымянский район

Ново-Чарлык
Октябрьское
Шевченко
.....
.....
Гурьяново
Молотово
Ворошилово
.....
Калинино
.....
.....
Кирово
.....
Тарлык
.....
.....
Чапаево

Долина
Поляна
Розовка
Репное
Ждановка
.....
.....
.....
.....
Константиновка
Придорожное
Ямское
Пролетарская воля
Верх.Еруслан
Первомайское
Норка
.....

Лемберг
Ней-Фельд
Миттельдорф
Брунненберг

.....
.....
.....
.....

9. Экгеймский кантон

Беккердорф
Ней-Фриденфельд
Майталь
Ней-Бауер
Фриденфельд
Гнаденфельд
Ней-Байдек
Экгейм
Эренфельд
Ней-Эренфельд
Майфельд
Ней-Шиллинг
Фридендорф
Ней-Визенмиллер

Комсомольский район

.....
Бирючинский
.....
Солянка
Комсомольское
Кирово
Таловка
Усатово
Чкалово
.....
Водопьяново
Сосновка
Сосновский
.....

10. Зельманский кантон

Фриденталь
Зельман
Ней-Варенбург
Грюнталь
Гельцель
Прейс
Фриденберг
Визенмиллер
Мариенберг
Розенталь
Штрекерау
Штрассенгейм
Брунненталь

Ровенский район

Александровка
Ровное
Ново-Привольное
Луговое
Кочетное
Краснополье
Мирное
Луговское
Песчаное
.....
Ново-Каменка
.....
Кривояр

11. Куккусский кантон

Альт-Варенбург
Штрауб
Динкель
Лауб
Иост
Лауве
Шталь
Бангердт
Деллер
Брабандер

Приволжский район

Привольное
Скатовка
Таллывка
Чкаловское
Октябрьское
Яблоновка
Степное
Зауморье
Березовка
Красноармейское

Ней-Йост

Нов. Поповка

12. Каменский кантон

Красноармейский район

Прейфер
Гуссарен
Фольмер
Щукк
Францозен
Деготт
Гримм
Бауэр
Ней-Моор
Мессер

Гвардейское
Елшанка
Луговое
Партизанское
Первомайское
Каменный овраг
Каменский
Карамышовка
.....
Усть-Золиха

13. Бальцерский кантон

Красноармейский район

Бальцер
Моор
Денгоф
Куттер
Антон
Гукк
Шрайтграбен
Норка
Бейдек
Шиллинг
Грундт

Красноармейск
Ключи
Высокое
Карамыш
Садовое
Сплавнуха
Прогресс
Некрасово
Луганск
Сосновка
.....

14. Гмелинский район

Старополтавский район

Ней-Фельд
Шек
Кано
Иссенбург
Роот
Триппенльсдорф
Динергейм
Моргентау
Блюменфельд
Тротт
Кукусский
Бир

.....
.....
.....
.....
.....
Верхняя водянка
.....
Сустуновка
Цветочное
.....
.....
.....

15. Палласовский район

Ней-Миллер
Штрассбург
Эйзеншваб
Франкрейхт

.....
Ромашки
им. Тельмана
Солянка

Моор
Альт-Веймар
Ней-Веймар

.....
Старая Иванцовка
Новая Иванцовка

16. Старополтавский район

Гнадентау

Верх. Еруслан

17. Иловлинский район

Ней-Колония

Новая колония

18. Добринский район

Нижняя Добринка
Дрейшпиц
Ней-Миллер
Шваб
Гольштейн
Гебель
Крафт
Мюльберг
Лейхтлин
Штефан
Келлер

Камышинский район

Добринка
Верхняя Добринка
.....
Бутковка
Верхняя Кулилинка
Усть-Грязнуха
Верхняя Грязнуха
Щербатовка
Иловлинка
Кривцовка
Караульно-Буерачное
(входит в состав Нетка -
чевского района)
Пановка

Гильдман

19. Эрленбахский район

Ней-Гейм
Мариенфельд
Унтердорф

Ждановский район

.....
Новая Николаевка
Веселое (входит в сос-
тав Камышинского
района)
.....
.....
Скрипалово
Семенниково 2-е
Роменниково 1-е
Новые Норки (входит
в состав Камышин-
ского района)
Александровка

Розенберг
Фрицендорф
Иозефсталь
Эрленбах
Обердорф
Ней-Норка

Александрталь

20. Франкский район

Ротгамель
Зеевальд

Медведицкий район

Памятное
Верховка

Кратце
Меркель
Гуссенбах
Кауц
Диттель
Ней-Бальцер
Фрейдорф
Ней-Дейгоф
Ней-Мессер
Кольб
Франк
Вальтер

Подчинный
Макаровка
Медведицкое
Вершинка
Алешники
Перевозники
Свободное
Новинка
Пограничное
Песковка
Медведица
Гречихино

Примечание: в настоящее время районы, указанные под №№ 1 – 13 относятся к Саратовской области, а районы под №№ 14 – 20 относятся к Волгоградской области.

(По архивным изысканиям журналиста Александра Кичихина – «Нойес лебен», №25, 19.06.1991).

Чувство родины

(Из творчества российских немцев)

Нелли Ваккер

Два родных языка

Жизнь меня одарила!
Я с самого детства
два родных языка
получила в наследство.
На одном изъясняюсь
с домашними я –
на другом говорит
вся Отчизна моя.
Звуки двух языков
в мою душу вливались
с молоком материнским,
и в этом сказалась
суть той жизни,
которую я обрела
и с которой я в светлом
доверье жила.
Как хочу я, чтоб трепетно,
в каждой строке,
отзывалось на том
и другом языке

двух моих языков
двуединое слово!
Мое сердце волнует
все снова и снова
та мелодия
с детства знакомых стихов,
что звучала мне музыкой
двух языков,
разносясь под просторами
неба родного.
Я сквозь дым лихолетий
ее пронесла –
та мелодия сердца
была мне мила,
потому что всегда –
моя жизнь в той порукой!–
мне служила она
и сестрой, и подругой!

Перевод с немецкого Б. Пчелинцева

Герберт Генке

Чувство родины

Береза на экваторе... Она
окажется, как говорят, «в загоне»:
береза – будь там круглый год весна, -
захочет жить по северным законам.
По осени наряд свой приберет,
а по весне – опять зазеленеет.
Нет, прелести тропических широт
ей не по нраву. Север ей милее.
Тому, кто хочет свой покинуть дом,
подумать не мешает о березе.
Она ему поведает о том,
как на чужбине сердце жгут морозы.

Перевод с немецкого Б. Пчелинцева

Эльза Ульмер

Пусть будет стих, как черный хлеб, -
простым: «пшеничным», безыскусным,
пусть теплым будет, и еще –
конечно, пусть он будет вкусным!
Пусть хлебороб, устав от дел,

потягивая чай с вареньем,
заглянет в сборник мой и вслух
прочтет мое стихотворенье.
И пусть покажется ему:
слова в стихе – литые зерна.
Пусть скажет про себя: «А что? –
читать такое не зорно!..»
Укажет темы для стихов
палитра каждодневной жизни –
твой сын, твой край, твой отчий дом,
твоя – моя с тобой! – Отчизна...
И потому пусть будет стих,
как наш насущный хлеб, – пшеничным.
Пишу об этом потому,
что это мне не безразлично...

Перевод с немецкого Б. Пчелинцева

Роза Пфлюг

С людьми делюсь –
тем, что имею.
Я по-другому не умею.
Свое добро не берегу:
я по-другому не могу.
Когда пожалует к кому-то
в недобрый час душевной смуты
беда, – на помощь я иду:
вдруг ту беду я отведу...
Кому случится заблудиться, –
в мое окно пусть постучится,
ему я двери открою,
приветно с ним заговорю.
Жила бы только в нем душа –
все, до последнего гроша,
отдам. И буду рада, ибо
услышу тихое: «Спасибо!..»

Перевод с немецкого Б. Пчелинцева

Герман Арнгольд

Сказание о лучковой пиле

Ты пили, пили сосну другую...
и звени, звени, моя пила,
пой о том, как ты красу такую

истребить безжалостно смогла.
Пой, пила, про скорби и печали,
пой про боль жестокою свою.
Пой о том, как на глухом Урале
жизнь младую губят на корню.
Ну, еще, еще одно усилие.
Спой о том, как дивный лес зажух,
как мы все от тяжкого насилия
Без вины испустим скоро дух...

* * *

Валка леса в дни войны на Каме...
Гибнут, гибнут наши немцы там.
Видит лес со скорбью и слезами
много тысяч жертв, трагедий, драм.
Стонут сосны, множа кубометры,
что нужны для страждущей страны.
До темна учитель Вилли Петерс
Валит лес, не разогнув спины.
Мир, победа так ему желанны.
И звенит, звенит пила в тайге.
И ложатся сосны, бездыханны,
как его собратья по судьбе.
Враз сковало стужей ноги, руки.
Все пути к надежде замело.
Но пила звенит, и эти звуки
вносят в сердце грезы и тепло.

* * *

В дыры бот мороз вошел свободно,
тощий ватник выбросить пора.
Но в тайгу сгоняют их, голодных,
хоть трещат жестоко холода.
Их кругом считают за фашистов.
«Ну, давай, собака», – шеф орет.
В теплой шапке и тулупе чистом
гаркнет так, что вся тайга замрет.

* * *

Гибнут, гибнут сотни трудармейцев.
Каждый день болезнь кого-то ждет.
Нет, не вши уносят в землю немцев.
Губит их всесильной власти гнет.
Жизнь копейки ломаной не стоит.
Все пропито: правда и добро.
Власть на месте горе им утроит.
Здесь царят убийства, смерть и зло.

Мрут в тайге, как мухи в стужу, массы.
Слышишь бунта шум из-под земли?
Это жертвы сталинских репрессий,
те, что в грунт таежный полегли.

* * *

Петерс болен. Сердце бьется глуше.
Мстит жестоко зло тому добру,
что когда-то сеял Вилли в души.
А теперь слабеет он в бору.
Грезит он победный залп услышать.
Только тише песнь пилы на тон.
Пилит, пилит он, мечтая выжить,
Но в ушах стоит могильный звон.

* * *

Ночью он распух. Уже не встанешь...
Но его сорвал с палатей крик:
«Эй, собака, дрыхнуть только знаешь!», –
утащили в карцер в тот же миг, –
«Чтоб им сдохнуть всем на месте прямо.
Саботажи каждый божий день...
Посиди, учитель, в темной яме,
поумнеешь на водичке, пень».
Через трое суток он отпущен.
Как его охранник зол и туп!
Вилли рубит, рубит веток гущу...
Вдруг упал на землю хладный труп.
Вилли нес всю жизнь добро народу.
И всегда в душе поэтом был
и мечтал увидеть он свободу,
но судьбу невинных разделил.

* * *

Станет лес Уральский заповедным.
Пой же песню, серая пила,
чтобы небо веры было светлым,
чтобы роща радостей цвела.
Знаешь песен ты и арий много.
Пой же, пой, уставшая пила.
Пой же так, чтоб долгая дорога
К милосердию души привела.

Перевод с немецкого Т. Басалаевой

Литература:

1. Наша страна. Журнал, №3, 1938, стр.8-13. «Немцы Поволжья», автор: Ф. Пудалов.
2. Neues Leben. Газета. Публикации разных лет. Авторы: Э. Шмидт, А. Фитц, Т. Горчанюк, Ф. Лоренш, Г. Гроут, В. Вайц, А. Крайцер, И. Браун, Э. Айрих.
3. Wiedergeburt. Газета, №№15,16, 1997 г. Автор: Э. Бернгардт.
4. А. Солженицын. Архипелаг Гулаг, т.3, гл.4 «Ссылка народов».

Об авторе книги:

Борис Алексеевич Углицких. 64 года.

Подполковник МВД в отставке. Русский. Жена – немка (ее родители репрессированы с Поволжья). Журналист, автор нескольких книг.

Адрес: 624440, Свердловская область, г.Краснотурьинск, ул.Ленина, 54-7. Тел. 89049831453